

ШЕДЕВРЫ ФЭНТЕЗИ

СТАЛЬНЫЕ ОСТАНКИ

18+

РИЧАРД МОРГАН

Шедевры фэнтэзи

Ричард Морган

Стальные останки

«Издательство АСТ»

2009

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Морган Р.

Стальные останки / Р. Морган — «Издательство АСТ»,
2009 — (Шедевры фэнтези)

Рингил Эскиат, когда-то военный герой и прославленный ветеран, а теперь изгой и нищий, по просьбе семьи отправляется искать кузину, которую продали в рабство. Но преследуя ее похитителей, он натолкнется на тайну, которая окажется куда страшнее всего, что Рингил ожидал. Арчет – последняя из своей расы – думала, что после войны так и будет заниматься инженерным ремеслом, пока самый могущественный человек в Империи не послал ее расследовать нападение на приграничный порт. Вроде бы обычное дело, вот только местные утверждают, что нападают на них не бандиты, а демоны. Эгар Драконья Погибель, кочевник, когда-то служивший Империи, теперь впутался в городские неурядицы, мелкую свару между здравым смыслом и религиозным рвением. Но вскоре о расправах шаманов придется забыть, ведь его племени начинает угрожать нечто чуждое и очень опасное. Рингилу и двум его товарищам снова придется защищать Империю, которая должна им все, но не дала ничего. Защищать от древней силы, способной утопить весь мир в крови. Вот только с такими героями лекарство вполне может оказаться хуже любой болезни.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

© Морган Р., 2009
© Издательство АСТ, 2009

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	42
Глава 7	46
Глава 8	57
Глава 9	63
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Ричард Морган

Стальные останки

*Посвящается моему отцу,
Джону Моргану,
за то, что носил меня над водорослями*

*– Сдается мне, ты относишься к смерти, как к другу, –
пробормотала она. – Странно, когда у молодого человека такие друзья.*

*– Смерть – единственный верный друг в этом мире, – сказал он с
горечью. – Друг, который всегда рядом.*

Пол Андерсен. «Сломанный меч»

Глава 1

Когда человек, определенно находящийся в здравом уме, сообщает, что недавно усопшая мать пыталась залезть в окно спальни, чтобы сожрать его, вариантов два. Можно приנוхаться к дыханию, проверить пульс и зрачки, выясняя, не проглотил ли он какую-нибудь гадость, или поверить на слово. Впустую применив первый образ действий к Башке Наставнику, Рингил с деланным вздохом отложил пинту и пошел за своим широким мечом.

Говорили, пробираясь через кабак, он бормотал: «Снова-здорово...»

Рингилов меч, полтора ярда закаленной стали, висел над камином в ножнах, сплетенных из сплавов, неведомых людям, хотя любой кириатский ребенок старше пяти лет смог бы их назвать. У самого меча тоже было имя на кириатском языке, как у всего, изготовленного кириатами оружия, но этот витиеватый титул многое терял в переводе. «Гость желанный в Доме Воронов и иных Пожирателей Падали, вслед за Воинами грядущих» – приблизительно так Арчет сумела его перевести, поэтому Рингил решил называть свое оружие Другом Воронов. Имя не очень ему нравилось, но было звучным, как и полагается знаменитому мечу. К тому же хозяин постоялого двора, мужик прозорливый, не бедный и знающий, как приумножить богатство, соответствующим образом переименовал заведение. Так что было поздно что-то менять. Местный художник нарисовал сносное изображение Рингила, который орудовал Другом Воронов в Виселичном Проломе, и оно теперь болталось снаружи, у всего мира на виду. Взамен Рингил получал кров и стол, а еще – возможность рассказывать байки о своих подвигах заезжим гостям в кабаке, рассчитывая на их подачки.

«Ко всему этому, – иронично отметил Рингил в одном из писем, адресованных Арчет, – прилагается избирательная слепота по отношению к некоторым постельным утехам, кои гарантировали бы твоему покорному слуге медленную смерть на колу в Трелейне или Ихельтете. Статус героя в Виселичных Водах, похоже, предполагает особую привилегию, не доступную обычным гражданам в наши праведные времена». А еще, как он предполагал, никто не затевает охоту на извращенцев, когда намеченная жертва имеет репутацию человека, который превращает опытных фехтовальщиков в мертвечину быстрее, чем падает дуэльная перчатка. «Слава, – накарябал Рингил, – все-таки приносит некоторую пользу».

Меч над камином был заключительным штрихом. Закрепить его там придумал тот же хозяин постоялого двора. Теперь он пытался убедить местную знаменитость давать уроки дуэльного мастерства на конюшне. «Скрестите мечи с героем Виселичного Пролома, 3 элемента имперской чеканки за полчаса». Рингил пока не понимал, докатился ли он до такого. И видел, что преподавание сделало с Башкой.

Так или иначе, он вытащил Друга Воронов из ножен со скрежещущим лязгом, небрежно закинул на плечо и вышел на улицу, не обращая внимания на взгляды публики, которую час назад потчевал байками о подвигах. Он предположил, что они последуют за ним хотя бы часть пути к дому наставника. От этого не будет вреда, если его догадки о том, что происходит, оправдаются. Хотя при первых признаках неприятностей зеваки, скорее всего, дадут деру. В общем, их нельзя винить. Они крестьяне и торговцы, ничем ему не обязаны. Примерно треть из них он до этого вечера даже не видел. Вступительный комментарий к трактату о тактике боев мелких подразделений, который Военная академия Трелейна вежливо отказалась опубликовать под его именем, гласил: «Если вы не знаете людей за вашей спиной по имени, не удивляйтесь, когда они не последуют за вами в бой. С другой стороны, если последуют, тоже не удивляйтесь, ибо существует бесчисленное множество других факторов, которые стоит принимать во внимание. Лидерство – товар ненадежный, его нелегко произвести или понять». Простая истина, почерпнутая на кровавой передовой одной из самых омерзительных военных кампаний, какие знавали нынешние поколения жителей свободных городов. И все же, как деликатно

выразился лейтенант-редактор из Трелейна в ответном письме, это было «чересчур расплывчато, чтобы Академия сочла материал пригодным для обучающихся. Именно эта двойственность, как и любая другая, вынуждает нас отклонить вашу рукопись». Прочитав последнюю фразу на пергаменте, Рингил заподозрил в лейтенанте родственную душу.

На улице было холодно. Выше талии он носил только кожаный колет с просторными полудлинными рукавами из парусины, а вдоль хребта здешней местности спускалась не по сезону ранняя прохлада с Маджакских возвышенностей. Пики гор, в тени которых притулился городок, уже венчали снежные шапки, и это предвещало, что Виселичный Пролом к Падрову кануну сделается непроходимым. Люди снова начали болтать про олдрейнскую зиму. Уже несколько недель ходили слухи, будто скот на высоких выгонах воруют волки и прочие, менее прозаичные хищники; о ледящих душу встречах и наблюдениях на горных перевалах. Не все можно было отвергнуть как фантазии. В этом, как подозревал Рингил, и крылся источник проблемы. Домик Башки Наставника располагался в конце одной из поперечных улиц и задней стеной был обращен к местному кладбищу. Как несравнимо превосходящий ученостью прочих жителей Виселичных Вод – не считая обитающего в городке героя, – Башка по умолчанию стал храмовым служителем и вместе с одеждами священника получил это жилище. А в плохую погоду кладбища становились прекрасным источником мяса для падальщиков.

«Быть тебе великим героем, – однажды предсказала гадалка в Ихельтете по плевку Рингила. – Ждет тебя множество битв, и много врагов падут от твоего клинка».

И ни слова об истреблении вредителей в пограничном городишке, размером не больше одной из трелейнских приречных трупоб.

Вдоль главных улиц и набережной Виселичных Вод были закреплены фонари, остальной части городка приходилось довольствоваться светом Ленты, в такую облачную ночь довольно скудным. В точном соответствии с ожиданиями Рингила, толпа поредела, как только он ступил на неосвещенную улицу. Когда стало ясно, куда он направляется, больше половины сопровождающих испарились. Он дошел до угла улицы Башки, ведя за собой неплотную группу из шести или восьми человек, но к моменту, когда поравнялся с домом наставника – дверь все еще была распахнута, как владелец ее оставил, удирая в ночной сорочке, – позади не было ни души. Обернувшись, Рингил бросил взгляд туда, где в дальнем конце улицы топтались зеваки. Изогнул губы в ироничной улыбке и крикнул:

– А теперь держитесь подальше!

Среди могил нечто издало низкий, гулкий вопль. От этого звука Рингил покрылся гусиной кожей. Он снял Друга Воронов с плеча и, настороженно выставив его перед собой, шагнул за угол домика.

Ряды захоронений поднимались по склону холма, где на выступах горного гранита город уже не мог расширяться. Большинство надгробий представляли собой простые плиты, высеченные из того же камня, что и гора, отражая флегматичное отношение местных к смерти как таковой. Но тут и там попадались ихельтетские склепы с более замысловатой резьбой и пирамиды из камней, под которыми хоронили своих мертвецов северяне – эти курганы были украшены шаманскими железными талисманами и выкрашены в цвета клана покойника. Рингил старался не приходить сюда; он помнил слишком многие имена на камнях и мог вызвать в памяти лица очень многих мертвых чужаков. Отряд, polegший под его началом в Виселичном Проломе в знойный летний день девять лет назад, имел пестрый состав, и лишь у некоторых чужеземцев нашлись родственники с деньгами, которые смогли увезти сыновей домой для погребения. Кладбищенские земли, простирающиеся тут и там на склонах гор, были испещрены последними пристанищами этих одиночек.

Рингил шел все дальше по кладбищу, переступая на полусогнутых ногах. Над головой разошлись тучи, и кириатский клинок блеснул в неожиданно пролившемся свете Ленты. Вопль

не повторился, но теперь он мог различить более тихие и тайные звуки, свидетельствовавшие, как он понял без особого восторга, что кто-то роет землю.

«Быть тебе великим героем».

Ну да, еще бы...

Он нашел мать Башки, которая, как ему сперва показалось, рылась в грязи у основания свежего надгробия. Саван покойницы был порван и испачкан, обнажая гнилую плоть, которую он унюхал на расстоянии в дюжину шагов по ветру, невзирая на холод. Отросшие после смерти ногти издавали неприятный скрежет, когда она пыталась открыть частично раскопанный гроб.

Рингил поморщился.

При жизни эта женщина его не любила. Будучи храмовым служителем и священником, ее сын должен был презирать Рингила, никчемного дегенерата и растлителя молодежи. Вместо этого, как школьный учитель и достаточно образованный человек, Башка оказался слишком просвещенным, чтобы это принесло ему благо. Добродушное отношение к Рингилу и философские дебаты, которые они иной раз вели в таверне до глубокой ночи, обеспечили ему резкие выговоры от заезжих старших священников. Хуже того, нехватка порицающего рвения создала Башке в религиозной иерархии репутацию, которая гарантировала, что он навеки останется скромным учителем в захолустном городе. Мать, естественно, обвиняла дегенерата Рингила и его тлетворное влияние в том, что сын не получает повышения; он не был желанным гостем в доме школьного учителя, пока она не испустила дух. Это случилось внезапно, в прошлом месяце, после быстрой и неумолимой лихорадки, насланной, видимо, по ошибке, каким-то чрезмерно занятым богом, упустившим из виду ее безграничную добродетель в вопросах религии.

Стараясь не дышать через нос, Рингил постучал Другом Воронов плашмя о ближайшее надгробие, чтобы привлечь внимание покойницы. Сперва она не услышала производимого им шума, но потом труп извернулся, и Рингил обнаружил, что смотрит в лицо, чьи глаза давно сожрали маленькие твари, которые обычно занимаются такими вещами. Челюсть отвисла, большая часть носа исчезла, а плоть на щеках покрылась пятнами и дырами. Просто удивительно, что Башка ее узнал.

– А ну, вылезай, – сказал Рингил, поднимая меч.

Оно послушалось.

Оно вылезло через грудную клетку покойницы с треском и хлопаньем: трупоклещ в целый ярд длиной, не считая усиков-придатков, управляющих конечностями мертвого тела. Он был серого оттенка и во многом напоминал гладкокожего опарыша. Тупая морда существа оканчивалась чавкающими челюстями, покрытыми роговыми гребнями, которые могли дробить кости; Рингил знал, что хвост выглядит примерно так же. Трупоклещи выделяли отходы через поры кожи по всему телу, и эта субстанция, как и их слюна, была смертельно разъедающей.

Никто не знал, откуда они появились. Предания гласили, что прозорливые твари сперва были сгустками ведьминых соплей, отхаркнутых и оживленных злыми хозяйками по причинам, о которых большинство историй высказывались весьма расплывчато. Официальная религия настаивала на том, что они обычные слизняки или личинки, одержимые душами злых мертвецов, либо демонические гости из какого-то кладбищенского ада, где гнили духовно недостойные, пребывая в своих могилах в полном сознании. У Арчет была чуть более здравая теория, согласно которой трупоклещи являлись мутантами, явившимися на свет несколько веков назад в результате кириатских экспериментов с низшими формами жизни – существами, предназначенными для более эффективного уничтожения мертвых, чем обычные падальщики.

Какой бы ни была правда, никто точно не знал об уровне интеллекта трупоклещей. Однако на протяжении своей эволюции, естественной или нет, они научились использовать трупы, которыми питались, для уймы разных целей. Тело становилось укрытием или вмести-

лицем для яиц; если оно не сильно разложилось, могло стать средством быстрого передвижения или маскировки, а еще, в случае людей или волков, инструментом для рытья. Именно использование человеческих трупов вызывало череду сообщений о зомби на Северо-Западе во время суровых зим.

Рингил изредка задавался вопросом, могли ли трупоклещи манипулировать останками в качестве игры. Это была полностью его жуткая идея, родившаяся после того, как он впервые прочел об этих существах в рассказах тех, кто побывал в Кириатских пустошах. В конце концов, как рассудительно заявил он библиотекарю своего отца, собственные выделения трупоклеща могли разесть деревянный гроб почти так же быстро, как его открыли бы разлагающиеся руки трупа – так зачем им утруждаться? По мнению библиотекаря, а позже и отца, Рингил был юношей с очень большим воображением, которому надлежало сосредоточиться на более естественных занятиях, к коим пристрастились его старшие братья – верховой езде, охоте и постельных развлечениях с местными девчонками. Его мать, которая, несомненно, кое-что подозревала, предпочла промолчать.

Одна-две предыдущие встречи с этими существами также подсказывали Рингилу, что они бывают очень...

Высвободив тело из клетки ребер, трупоклещ сиганул напрямик на него.

...проворными!

Он довольно неуклюже рубанул вбок и успешно отбил тварь влево. Она ударилась о надгробие и упала на землю, корчась, рассеченная ударом почти надвое. Рингил снова опустил меч и закончил работу, с отвращением поджав губы. Две половинки разрубленного существа некоторое время извивались и дрожали, потом затихли. Демоны и злые духи, похоже, не могли справиться с такими повреждениями.

Рингил, однако, знал, что трупоклещи перемещаются группами. Когда изогнутый слизистый усик коснулся щеки, он уже поворачивался к новому врагу. Там, где на щеку попали капли выделений, кожа горела. Нет времени вытираться. Он заметил существо, свернувшееся на вершине ихелътетской гробницы, и, не раздумывая, проткнул. Усики отпрянули, и тварь с сердитым стрекотом издохла. Тут же раздался стук по другую сторону гробницы, и Рингил заметил движение. Он обошел вокруг обработанной каменной плиты и увидел двух клещей поменьше, которые вылезали из остатков сгнившего гроба и его столь же сильно разложившегося содержимого. Один удар сверху вниз фатальным образом рассек обоим пополам, и из ран хлынули телесные жидкости, словно белесое масло. Он повторил, на всякий случай.

Пятый клещ приземлился ему на спину.

Рингил поступил бездумно. Уже потом догадался, что им двигало чистое отвращение. Он с воплем уронил меч, дотянулся до завязок колета и разорвал их обеими руками. Тем же движением наполовину стряхнул с себя одежду, пока трупоклещ еще не успел разобраться, что это не его кожа. Колет осел под тяжестью существа, что и помогло Рингилу освободиться. Усики вокруг его талии и плеч еще ползли друг к другу, и им не хватило времени, чтобы усилить хватку, сопротивляясь движению. Его левая рука вырвалась, он развернулся и, как дискбол, зашвырнул колет вместе с трупоклещом правой рукой подальше в надгробия; услышал, как тварь ударилась о что-то твердое.

Усики успели коснуться груди и спины – позже там появятся рубцы. Рингил схватил Друга Воронов и зашагал вслед за колетом, напрягая зрение и слух на случай, если в стае еще кто-то остался. Он нашел свою одежду частично растворившейся у основания древней, поросшей мхом плиты вблизи кладбищенской границы. «Для броска с места неплохо». Трупоклещ еще пытался выпутаться из кожи и, сбитый с толку, затрепыхался, когда подошел Рингил. Обнажив челюсти, существо зашипело, будто новый меч в охлаждающей лохани.

– Ну да, ну да, – пробормотал Рингил и, опустив Друга Воронов острием вниз, пригвоздил клеща к земле. С мрачным удовлетворением проследил, как тварь умирает. – Я его сегодня впервые чистым надел, засранец ты маленький.

Он пробыл среди могил достаточно долго, чтобы ощутить холод и испытать прилив интереса к маленькому, но отчетливому брюшку, грозившему потихоньку испортить талию узкобедрой фигуры. Новые трупоклеши не появились. Рингил взял незагрязненный клочок своего колета и с его помощью бережно очистил синеватый клинок Друга Воронов от телесных жидкостей. Арчет настаивала, что кириатскому лезвию не страшны никакие разъедающие вещества, но ей случалось и ошибаться в таких вопросах.

Взять хотя бы окончательный результат войны.

А потом Рингил вспомнил, что существа прикоснулись к нему, и, словно по команде, волдыри начали гореть. Он тер волдырь на щеке, пока тот не лопнул, и от слабой боли получил что-то вроде жестокого удовольствия. Не то чтобы героическая рана, но это все, что он сможет показать в качестве итога вечерних стараний. Никто не придет сюда, чтобы взглянуть на последствия бойни, пока с рассветом не станет безопасно.

«Впрочем, ладно – может, ты наплетешь достаточно, чтобы хватило на пару пинт и тарелку курятины. Или Башка из чистой благодарности купит тебе новый колет, если у него останутся деньги после новых похорон матери. А тот конюх с волосами словно пакля прислушивается к тебе и будет достаточно впечатлен, чтобы не заметить пузо, которое ты старательно нарабатываешь».

Потом, после паузы: «Ага, еще, может быть, твой отец снова вписал тебя в завещание. Вдруг ихельтетский император на самом деле извращенец».

Последнее вызвало усмешку. Рингил Ангельские Глазки, покрытый шрамами герой Виселичного Пролома, тихонько рассмеялся посреди стылого кладбища и окинул взглядом молчаливые надгробия, будто его давно павшие товарищи могли оценить шутку. Тишина и холод промолчали в ответ. Мертвые остались неподвижны и равнодушны, какими были уже девять лет. Улыбка Рингила медленно угасала. По спине пробежал мороз.

Он встряхнулся.

Закинул Друга Воронов на плечо и отправился искать чистую рубашку, какую-нибудь еду и благожелательную публику.

Глава 2

Солнце умирало среди рваных облаков синюшного цвета, на дне неба, которое казалось бесконечным. Ночь окутывала луговые степи с востока, неизменный ветер с ее приходом становился все холоднее. «Вечера здесь какие-то болезненные, – сказал Рингил однажды, незадолго до отъезда. – Такое чувство, будто что-то теряешь с каждым заходом солнца».

Эгар Драконья Погибель, который никогда точно не знал, что его друг-педик замышляет в таком настроении, не мог понять эти слова и сейчас, спустя добрых десять лет. И не мог взять в толк, с чего они пришли на ум.

Он фыркнул, лениво поерзал в седле и задрал воротник овчинного тулупа. Бездумный жест, на самом деле ветер его не беспокоил. В это время года он давно не чувствовал холода – «Ага, погоди, вот придет настоящая зима и придется мазаться жиром!» – но вычурная привычка зябко кутаться в одежду была частью целого гардероба характерных черт, которые он приволок с собой из Ихельтета, да так и не удосужился от них избавиться. Всего лишь похмелье, как южные воспоминания, упрямо не желавшие тускнеть, и смутное отчуждение, которое упоминала Лара в совете, прежде чем покинуть его и вернуться в юрту своих родителей.

«Эх, скучаю я по тебе, девка».

Он приложил все усилия, чтобы сопроводить эту мысль подлинной меланхолией, но не вложил в нее душу. Драконья Погибель не скучал по Ларе. За последние шесть-семь лет он зачал, наверное, дюжину визгливых свертков от ворот Ишлин-ичана до воронакских поселений в далекой северо-восточной тундре, и, по меньшей мере, половине матерей в его чувствах было отведено такое же место, как бывшей жене. Брак оказался совсем не тем, что обещала порожденная валянием в летней траве страсть, из которой он проистекал. На клановом собрании по поводу развода он большей частью испытывал облегчение. Возражал только для вида, чтобы Лара не рассвирепела еще сильнее. Заплатил все, что ей причиталось по соглашению, и через неделю трахал очередную скаранакскую доярку. Они чуть ли не кидались на него теперь, новоявленного холостяка.

«И все же. Вышло как-то неблагопристойно».

Он поморщился. «Благопристойность» не относилась к словам, которыми пользовался скаранак. На хрен ему сдалось такое словечко? И все же оно застряло в башке вместе со всем, что он привез с юга. Лара права – не стоило давать брачный обет. И не дал бы, но увидел ее глаза, когда она лежала в озаренной сумеречным светом траве и открылась ему – ее пронзительные зрачки с нефритовым отблеском, от которых проснулись воспоминания об Имране и спальне, увешанной муслином.

«Да, глаза, и еще сиськи, сынок. Сиськи у ней были такие, что даже старик Уранн продал бы за них душу».

Это больше похоже на правду. Такая мысль и впрямь могла прийти в голову маджакскому кочевнику.

«На хрен ты дурью маешься? Лучше вспомни, чем небо тебя благословило».

Эгар поскреб жестким ногтем под шапкой из буйволовой кожи и уставился на озаренные закатным светом фигуры Руни и Кларна, которые подгоняли стадо, направляя его обратно к лагерю. Каждый буйвол из тех, что он видел, принадлежал ему, уже не говоря о долях, которыми он владел в ишлинакских стадах дальше к западу. На красно-серых клановых вымпелах, прицепленных к древкам копий – его собственного и помощников, – маджакскими письменами значилось его имя. Он был известен в степях; в какой бы лагерь ни явился, везде бабы падали перед ним, раздвинув ноги. Пожалуй, нынче ему по-настоящему не хватало только ванны с горячей водой и приличного бритья – маджакам и то, и другое было, в общем-то, без надобности.

«Пару десятилетий назад, сынок, ты и сам в таком не нуждался. Помнишь?»

Еще бы. Двадцать лет назад мировоззрение Эгара, насколько он мог припомнить, не сильно отличалось от взглядов соплеменников. Что плохого в холодной воде, общей парилке раз в несколько дней и славной бороде? Они же не какие-нибудь изнеженные хреновы южане с их вычурными манерами и мягкой бабской кожей.

«Ага. Но двадцать лет назад ты был невежественным мудаком. Двадцать лет назад ты бы свой хрен от рукояти меча не отличил. Двадцать гребаных лет назад...»

Двадцать гребаных лет назад Эгар был заурядным маджакским пастушком с пушкой на подбородке. Он ни разу не покидал степи, но мнил себя опытным, так как потерял невинность в Ишлиничане, куда его взяли старшие братья; зато бороду не смог бы отрастить даже под страхом смерти. Он безоговорочно верил во все, что говорили отец и братья – а они, в основном, говорили, что в целом мире не сыскать таких суровых и крепких выпивох и бойцов, как маджаки, а из всех маджакских кланов скаранаки самые отважные, и настоящие мужики помыслить не смеют о том, чтобы жить где-то еще, кроме северных степей.

Эти жизненные принципы Эгар опроверг – по крайней мере, частично – как-то ночью в таверне в Ишлин-ичане несколько лет спустя. Пытаясь смягчить выпивкой боль от безвременной кончины отца под копытами табуна, он ввязался в ребяческую драку со смуглым, серьезным имперцем – как позже выяснилось, телохранителем заезжего ихельтетского торговца. Драка в значительной степени случилась по вине Эгара; «ребяческой» ее назвал имперец – а его, соответственно, «ребенком», – после чего начал лупить молодого маджака голыми руками, применяя незнакомую технику боя, для которой не понадобилось вытаскивать меч. Юность, гнев и болеутоляющий эффект выпивки позволили Эгару какое-то время продержаться, но он впервые в жизни столкнулся с профессиональным солдатом, его участь была предрешена. Оказавшись на полу в третий раз, он не поднялся.

Вспомнив об этом, Эгар ухмыльнулся в бороду. «Изнеженные хреновы южане. Ну да, ну да».

Сыновья хозяина таверны вышвырнули Эгара. Трезвея на улице, он достаточно собрался с мыслями, чтобы понять: смуглый, серьезный воин его пощадил, хотя имел полное право убить на месте. Он вернулся, склонив голову, и попросил прощения. Это был первый раз, когда подобное пришло ему на ум.

Ихельтетский солдат принял его раскаяние с милостивым чужеземным изяществом, а потом они принялись напиваться вместе, охваченные своеобразным товариществом бойцов, которые едва друг друга не убили. Узнав о потере Эгара, ихельтетец выразил соболезнования чуть заплетающимся языком, после чего – возможно, проявив дальновидность, – сделал предложение.

«У меня, – сказал он, тщательно выговаривая каждое слово, – есть дядя в Ихельтете, императорский вербовщик. В императорской армии, дружище, нынче страсть как не хватает людей. Чес-слово. Для молодого человека вроде тебя, который не чурается стычек, работы ну очень много. Жалование хорошее, шлюхи, мать их, невероятные. Я серьезно, они прославленные. Во всем известном мире никто так не ублажает мужчин, как ихельтетские бабы. Тебя там ждет хорошая жизнь, дружище. Драки, ебля и деньжата».

Эти слова были в числе последнего, что Эгар ясно помнил о финале той ночи. Он проснулся через семь часов – один, на полу таверны, с гудящей головой и мерзким привкусом во рту. Его отец по-прежнему был мертв.

Через несколько дней семейное стадо разделили – как, видимо, предугадал его чужеземный собутыльник. Предпоследний по старшинству и в очереди наследования из пяти сыновей, Эгар оказался счастливым обладателем дюжины запаршивевших животных из тех, что брели в хвосте стада. Слова ихельтетского телохранителя всплыли в его памяти и показались приятательными. «Драки, ебля и деньжата». Работа для мужчин, которые не боялись стычек, и

славные своими умениями шлюхи. Против дюжины шелудивых буйволов и братьев, которые им помыкали. О чем тут думать? Эгар уважил обычаи, продав свою долю в стаде одному из старших братьев, а потом, вместо того чтобы наняться пастухом, взял кошель, копье и кое-что из одежды, купил новую лошадь и поехал на юг, в Ихельтет, один.

Ихельтет!

Имперский город оказался не пристанищем выродков и женщин, закутанных в простыни с головы до пят, а раем на земле. Насчет денег собутыльник Эгара был прав. Империя вооружалась для одного из привычных набегов на торговые земли Трелейнской лиги, наемники были в большой цене. Более того, широкоплечая фигура Эгара, светлые волосы и бледно-голубые глаза, по-видимому, сделали его неотразимым для женщин этой смуглой, тонкокостной расы. К тому же у степных кочевников – ибо таковым он в конце концов начал себя считать – в Ихельтете была репутация, которая немногим уступала их мнению о самих себе на родине. Почти все считали их свирепыми воинами, феноменальными гуляками и могучими, хоть и далекими от утонченности, любовниками. За шесть месяцев Эгар заработал больше денег, выпил и съел больше всякой всячины и проснулся в большем количестве странных, благоухающих постелей, чем мог вообразить даже в самых необузданных подростковых фантазиях. И до того момента он не видел ни одной схватки, уже не говоря об участии в ней. Кровавое пролитие началось позже...

Какое-то сопение и крик отвлекли его от воспоминаний. Он моргнул и огляделся. На восточном конце стада животные, похоже, беспокоились, и у Руни возникли затруднения. Эгар, сменив настрой, сложил мозолистые ладони рупором и прижал ко рту.

– Бык! – раздраженно заорал он. Ну, сколько раз повторять парню, что стадо следует за вожаками? Одолей быков, и остальные пойдут за тобой. – Оставь ты этих гребаных коров в покое, займись бы...

– ...рожно, долгобеги!!!

В пронзительном вопле Кларна, донесшемся с другого края стада, отразился вековой ужас степных пастухов с примесью паники. Эгар резко повернул голову и увидел, что та часть, за которую отвечал Кларн, неслась на восток. Ориентируясь по движению вожака и прищурив глаза, он разглядел, что испугало стадо со стороны Руни. Сквозь степную траву высотой по грудь будто скользили высокие, бледные фигуры – их было с полдюжины или больше.

Долгобеги.

Руни тоже их увидел и поскакал наперерез, прикрывая стадо. Но к этому времени его лошадь почуяла долгобегов и перестала сдерживаться. Она металась туда-сюда, сопротивляясь поводьям, ее перепуганное ржание отчетливо слышалось на ветру.

«Нет, только не это».

Эгар мысленно издал предупреждающий вопль и тотчас понял, что кричать нет времени, смысла тоже. Руни едва исполнилось шестнадцать, а степные упыри всерьез не беспокоили скаранаков больше десяти лет. Самое большее, что парнишка знал о долгобегах – истории, которые старик Полтар рассказывал у костра. Еще, кажется, кто-то однажды притащил труп в лагерь, чтобы похвастать. Руни понятия не имел о знании, которое Эгар усвоил на крови до его рождения. «Со степными упырями нельзя сражаться, стоя на месте».

Кларн, старше и мудрее, увидел ошибку Руни и теперь гнал собственного скакуна, который был этому совсем не рад, вокруг темной массы буйволов, не переставая орать. Он снял лук со спины и тянулся за стрелами.

Он не успевал.

Эгар понял это, как понимал, когда степная трава достаточно высохла, чтобы гореть. Долгобеги были менее чем в пятистах шагах от стада и могли покрыть это расстояние за меньшее время, чем требуется мужику, чтобы поссать. Кларн опоздает, лошади не выдержат, Руни упадет и погибнет в траве.

Драконья Погибель выругался, выхватил копьё-посох и ударил пятками ихельтетского боевого коня, направляя его в атаку.

Он почти успел, когда первый долгобег настиг Руни, так что увидел произошедшее в подробностях. Ведущий упырь миновал лошадь Руни, которая не переставала испуганно ржать, и, развернувшись на мощной задней лапе, как на шарнире, вскинул другую. Руни попытался увести паникующую лошадь в сторону, сделал беспомощный выпад копьём, а затем когти, похожие на лезвия серпов, сильным ударом вышибли его из седла спиной вперед. Эгар увидел, как парнишка вскочил на ноги, споткнулся, и еще два долгобега кинулись на него. Долгий, мучительный крик поднялся из травы.

Уже на полном скаку Эгар пустил в ход свою единственную оставшуюся карту. Он откинул голову назад и взвыл, издав боевой клич маджаков, от которого стыла кровь в жилах людей на тысяче полей сражений по всему известному миру. Ужасный призыв, гарантирующий неминуемую смерть, причем множеству противников.

Степные упыри услышали и подняли свои длинные, заостренные головы с окровавленными рылами, выискивая угрозу. Несколько секунд они тупо таращились на всадника, который грозно несся в их сторону через пастбище, а потом Драконья Погибель напал.

Копьё вонзилось прямо в грудь первому долгобегу, и он полетел, отброшенный быстротой натиска, скребя по земле лапами и плюясь кровью. Эгар жестко осадил коня, развернул и выдернул копьё, вчетверо разворотив рану. Влажные, похожие на веревки внутренности вышли вместе с зазубренным наконечником, натянулись и порвались, излили белесые жидкости, когда он высвободил оружие. Второй упырь потянулся к нему, но Драконья Погибель уже развернулся, и его боевой конь встал на дыбы, атакуя, размахивая массивными копытами, подкованными сталью. Упырь взвыл, когда его гибкую руку раздробило боковым ударом, а потом конь плавно шагнул вперед – этому обучали только ихельтетские дрессировщики, – и копыто проделало фатальную вмятину в черепе долгобега. Эгар закричал, сжал бедра и развернул копьё обеими руками. Полетели брызги крови.

Шести с половиной футов длиной, знаменитое и вызывающее страх у любого солдата, которому приходилось видеть его на поле боя, маджакское копьё-посох традиционно изготавливали из длинного ребра самца буйвола, с обеих сторон прикрепляли обоюдоострые пилообразные лезвия длиной в фут и шириной в ладонь у основания. В былые времена железо для этого оружия было ненадежным, полным примесей – в маленьких передвижных кузнях его не удавалось выковать как следует. Позже, когда Трелейнская лига стала нанимать маджаков в качестве бойцов, они изучили технологию производства стали, соответствовавшую их свирепым боевым инстинктам, а древки копий стали делать из наомской древесины, которую должным образом усиливали и придавали ей нужную форму. Когда ихельтетские армии наконец хлынули на север и запад, впервые атаковав города Лиги, они разбились как волна о строй поджидающих степных кочевников с копьями. Такой военной неудачи Империя не знала больше века. После битвы, говорили, даже самые опытные воины Ихельтета были потрясены уроном, которое оружие маджаков нанесло их товарищам. В битве на вересковой пустоши Мэйн, во время передышки и сбора тел убитых, целая четверть имперских новобранцев дезертировала из-за историй о том, что маджакские берсеркеры пожирают части трупов. Позже один ихельтетский историк написал о битве на пустоши, что «те падальщики, какие пришли, питались взволнованно, ибо опасались, что какой-то более сильный хищник уже испробовал этот ковер из мяса и может вернуться, чтобы напасть на них». Он дал волю писательской фантазии, но суть отразил верно. Ихельтетские солдаты называли копьё *ashlan mher thelan* – «дважды клыкастым демоном».

Долгобеги набросились на него с обеих сторон.

Эгар ударил копьём как палицей, сверху вниз и слева направо, пока его конь не опустился на все четыре ноги. Нижнее лезвие вспороло брюхо долгобегу справа, а то, что выше – отбило

удар опускающейся лапы того, кто был слева, и раздробило ее. Раненый упырь пронзительно завопил, Эгар рубанул копьем. На левом лезвии остался глаз и кусочки черепа, на противоположном – ничего, поскольку долгобег со вспоротым брюхом лежал в траве и выл, истекая кровью. Упырь, которого он лишил руки и глаза, зашатался и взмахнул уцелевшей лапой, как пьяница, запутавшийся в бельевой веревке. Остальные...

Внезапно раздался знакомый свист, глухой удар – и раненая тварь опять завопила, когда одна из стрел Кларна со стальным наконечником воткнулась ей в грудную клетку. Она озадаченно ощупала торчащую штуковину уцелевшей лапой, и тут вторая стрела вонзилась в череп. Долгобег протянул лапу к новой ране, но длинное бледное тело отказалось служить и рухнуло в траву рядом с тварью, которой Драконья Погибель вспорол брюхо.

Эгар насчитал еще троих упырей, которые в нерешительности засели по другую сторону от тела Руни. Они будто не знали, что делать. С Кларном, который приближался верхом, нацелив новую стрелу, чаши весов покачнулись. Никто из тех, с кем доводилось встречаться Эгару, включая Рингила и Арчет, не знал, являются ли долгобеги расой, наделенной мыслительными способностями, как люди. Но они уже много веков мучили маджаков и их стада, обе стороны друг друга изучили.

Наступила внезапная тишина. Эгар спешился.

– Если они хоть дернутся... – предупредил он Кларна.

Держа копье обеими руками, Драконья Погибель зашагал сквозь траву к Руни и тварям, желавшим его заполучить. Хоть лицо у него было каменное, внутри копошился червячок неизбежного страха. Если они бросятся на него сейчас, Кларн успеет выпустить самое большое две стрелы, а долгобеги, выпрямляясь в полный рост, достигали почти трех ярдов.

Он только что поступился своим преимуществом.

Но Руни лежал, его кровь утекала в холодную степную землю, и каждая секунда промедления усугубляла вероятность вовремя не добраться до целителей.

Упыри зашевелились в море травы; их сгорбленные белые спины походили на китов, чьи песни он слышал у берегов Трелейна. Узкие клыкастые морды на удлинённых черепахах и мускулистых шеях наблюдали за ним с лукавством. Может, где-то залег еще один – Эгару случалось видеть, что они подкрадываются. Он уже не помнил, сколько противников насчитал, когда заметил их впервые.

Внезапно похолодало.

Он достиг Руни, и холод крепче сжал свои объятия. Парнишка был мертв: грудь и живот вспороты, глаза слепо глядят в небо с грязного лица. По крайней мере, все случилось быстро; земля вокруг была мокрой от внезапно излившейся из тела крови. В угасающем свете она казалась черной.

Эгар почувствовал, как от пяток по всему телу раскатываются пульсирующие удары, похожие на барабанный бой. Стиснул зубы и раздул ноздри. Ритм и мощь нарастали, холод отступал, в горле и голове будто что-то взрывалось. Драконья Погибель стоял, молчал и чувствовал себя так, будто пророс корнями в землю.

Потом он перевел взгляд на трех степных упырей в сумерках впереди. Поднял копье дрожащей рукой, запрокинул голову и завыл – так, словно мог этим расколоть небо и дотянуться до души Руни, которая уже пустилась в путь по Небесной Дороге, разрубить Ленту, по которой он шел, и сбросить парнишку обратно на землю.

Время остановилось. Осталась лишь смерть.

Драконья Погибель едва услышал свист первой стрелы Кларна, которая пролетела мимо, когда он кинулся на оставшихся долгобегов, не переставая выть.

Глава 3

Окно разбилось с ясным, высоким звоном, и штукавина, которая пролетела сквозь него, тяжело ударилась о протертый ковер в центре комнаты.

Рингил завозился посреди скомканной постели и приоткрыл один глаз. Края разбитого стекла блестели на солнце слишком ярко, чтобы он в своем нынешнем состоянии мог смотреть прямо на них. Он перекатился на спину, одной рукой ощупывая кровать в поисках того, с кем провел прошлую ночь. Обнаружилась лишь простыня во влажных пятнах. Парнишка исчез – они всегда так делали задолго до восхода солнца. Вкус во рту был такой, словно он лизал внутренности дуэльной перчатки, а в голове стоял гул не хуже, чем от маджакского военного барабана.

Падров день. Радость-то какая.

Он опять перевернулся и принялся шарить по полу у кровати, пока кончиками пальцев не наткнулся на тяжелый предмет неправильной формы. Дальнейшие исследования показали, что это камень, завернутый в нечто вроде дорогого пергамента. Он поднес находку к лицу, убедился, что пальцы не обманывают, и развернул бумагу. Это был небрежно оторванный кусок большого листа, надушенный и с нацарапанным по-трелейнски словом:

«Вставай».

Почерк был знакомый.

Рингил застонал и сел среди простыней. Завернувшись в одну из них, вылез из кровати и побрел, шатаясь, к недавно разбитому окну. Внизу посреди припорошенного снегом двора обнаружили всадники в стальных кирасах и шлемах, которые безжалостно сверкали на солнце. Они окружали карету, а изогнутые линии на снегу отмечали место, где та развернулась, прежде чем остановиться. Возле кареты стояла женщина в капюшоне с меховой оторочкой и в наряде трелейнской аристократки, прикрывая глаза ладонью и глядя вверх.

– Добрый день, Рингил, – крикнула она.

– Мама. – Рингил подавил новый стон. – Чего тебе нужно?

– Я не прочь позавтракать, но час давно миновал. Насладился Падровым кануном?

Рингил прижал ладонь к той части головы, где пульсирующая боль казалась самой сильной. От упоминания завтрака его желудок скрутило судорогой.

– Так, стой там, – проговорил он слабым голосом. – Я сейчас спущусь. И больше не бросай камни. С меня за это деньги стрясут.

Вернувшись в комнату, он опустил голову в таз с водой рядом с кроватью, наскоро вымыл волосы и лицо, поскреб во рту душистой щепкой для зубов из банки на столе и пошел искать свою разбросанную одежду. Хоть комната и была маленькая, это заняло больше времени, чем можно было бы ожидать.

Одевшись, он убрал длинные и красивые черные волосы с лица, перевязал их обрывком грубой серой ткани и вышел на лестничную площадку постоянного двора. Остальные двери были надежно закрыты; вокруг ни души. Большинство гостей цивилизованным образом отсыпались после празднования Падрова кануна. Он спустился по лестнице, стуча каблуками и на ходу заправляя рубашку в штаны – требовалось действовать быстро, пока леди Ишиль из Эскиатских Полей не заскучала и не приказала охраннику сломать входную дверь.

Отодвинув засов на двери, ведущей во внутренний двор, он вышел наружу и остановился, моргая от солнечного света. Конная охрана, казалось, не двинулась с места после того, как он отошел от окна, но Ишиль уже была возле двери. Как только Рингил появился, она опустила капюшон и обняла его. Поцелуй в щеку, которым мать его одарила, был вежливым и официальным, но объятие выдавало более сильные чувства. Он ответил с энтузиазмом, какой позво-

ляли гудящая голова и беспокойный желудок. Добившись своего, Ишиль отступила, продолжая удерживать его на расстоянии вытянутых рук, словно платье, которое собиралась надеть.

– Рада встрече, мой прекрасный сын, рада встрече.

– Как ты поняла, какое окно разбить? – с кислым видом спросил он.

Госпожа Ишиль взмахнула рукой.

– О, мы спросили. Это было нетрудно. Каждый в этом свинарнике, замаскированном под город, знает, где ты спишь. – Изящно поджав губы, она его отпустила. – И с кем.

Рингил пропустил последнее мимо ушей.

– Я герой, мама. Чего ты еще ждала?

– Тебя здесь все еще называют Ангельскими Глазками? – Она взглядела в его лицо. – Сдается мне, «Демонические Глазки» теперь подошло бы больше. Они краснее, чем кратер Ан-Монала.

– Падров день, – коротко ответил он. – Такой цвет глаз – дань традиции. И вообще, с каких пор ты знаешь, как выглядит Ан-Монал? Ты там не была.

Она фыркнула.

– Ты уверен? Я могла там побывать в любое время на протяжении последних трех лет – столько прошло со дня, как ты в последний раз навещал свою бедную пожилую мать.

– Мама, умоляю...

Рингил покачал головой, рассматривая ее. «Пожилая», как он полагал, было достаточно точным определением возраста в сорок с чем-то, но матери такое определение не подходило. Ишиль стала невестой в тринадцать и родила четверых еще до того, как ей исполнилось двадцать. Следующие два с половиной десятилетия она трудилась над своими женскими прелестями и тем, чтобы Гингрэн Эскиат, невзирая на все опрометчивые поступки с другими, более молодыми женщинами, которые оказывались на расстоянии вытянутой руки, в конце концов возвращался к брачному ложу. Она подрисовывала глаза и губы кайалом в ихельтетском стиле; ее волосы были убраны с изящного лба, едва отмеченного морщинами, и скул, заявляющих о южном происхождении ее семьи. А когда она двигалась, под одеждой вырисовывались формы, достойные женщины вполнину моложе. В трелейнском высшем обществе шептались о колдовстве – дескать, Ишиль продала душу ради молодого облика. Рингил, который много раз видел, как она одевается, больше склонялся к косметике, хотя с продажей души согласился. Родители Ишиль были торговцами, но мечтали о большем; они обеспечили своей дочери жизнь в роскоши, выдав ее за мужчину из Дома Эскиат, но, как часто бывает со сделками, пришлось заплатить – платой была жизнь с Гингреном.

– Это ведь правда, – настаивала она. – Когда ты в последний раз был в Трелейне?

– Как поживает отец? – уклонился он от ответа.

Их взгляды встретились. Мать вздохнула и пожала плечами.

– О, ты же знаешь. Твой отец... это твой отец. С ним не стало легче жить теперь, когда появилась седина. Он спрашивает о тебе.

Рингил изогнул бровь.

– В самом деле?

– Честное слово. Время от времени по вечерам, когда устает. Мне кажется, он начинает... сожалеть. По крайней мере, о некоторых словах.

– Он что, умирает? – Рингил не сумел скрыть горечь в голосе. – Ты поэтому приехала?

Она снова посмотрела на него, и на этот раз показалось, что в ее глазах на мгновение ярко блеснули слезы.

– Нет, не из-за этого. По такому поводу я бы не приехала, ты знаешь. Дело в другом. – Она внезапно хлопнула в ладоши и нацепила улыбку. – Но что мы стоим, Рингил? Где все? В этом месте столько же жизни, сколько в Олдрейнском круге из камней. У меня голодные охранники и служанки, лошадей нужно накормить и напоить. Если на то пошло, и сама не

откажусь перекусить. Разве хозяин твоего постоянного двора не хочет заработать горстку монет из Лиги?

Рингил пожал плечами.

– Пойду спрошу. А потом, надеюсь, ты объяснишь мне, что происходит.

* * *

Хозяин постоянного двора – судя по физиономии, такой же похмельный, как Рингил, – и впрямь слегка оживился при упоминании о трелейских деньгах. Он открыл обеденный зал, примыкающий к пивной, приказал заспанному конюху заняться лошадьми и побрел на кухню, чтобы проверить, не осталось ли чего-нибудь годного после ночной пирушки. Рингил пошел с ним, заварил себе травяного чаю и вернулся в столовую, где уселся за дубовый стол на козлах, ссутулился и уставился на подымающийся над чашкой пар, словно то был призванный дух. В свой черед вошла Ишиль в сопровождении охранников и трех компаньонов, которые, видимо, прятались в карете. Они засуетились, производя слишком много шума.

– Вижу, путешествуешь налегке.

– О, Рингил, помолчи. – Ишиль расположилась по другую сторону стола. – Я не виновата, что вчера ты слишком много выпил.

– Нет, но виновата в том, что я проснулся так рано и вынужден это терпеть. – Одна из компаньонов хихикнула, но потом покраснела и затихла, когда Ишиль бросила на нее ледяной взгляд. Рингил хлебнул чаю и поморщился. – Итак, ты расскажешь мне, зачем все это?

– Может, сперва выпьем кофе?

– Скоро будет. Я нечасто веду светские беседы, мама.

Ишиль элегантно жестом выразила смирение.

– Ну, ладно. Ты помнишь кузину Шерин?

– Смутно. – Он выудил из детских воспоминаний лицо болезненной девочки с ниспадающими темными локонами, слишком юной, чтобы он смог поиграть с ней в саду. Он связал ее с тем временем, когда летом жил на вилле Ишиль на побережье в Ланатрее. – Одна из детей Нерлы?

– Дерсин. Нерла была ее теткой по отцу.

– Точно.

Молчание затягивалось. Кто-то вошел и принялся разводить огонь в очаге.

– Шерин продали, – тихо сказала Ишиль.

Рингил смотрел на чашку в своих руках.

– Да ладно. Как это случилось?

– А как такое случается в наши дни? – Ишиль пожала плечами. – Долги. Она вышла за дельца по имени Билгрест, который торговал готовой продукцией, ты его не знаешь. Это было несколько лет назад. Я отправила тебе приглашение на свадьбу, но ты не ответил. Как бы там ни было, похоже, у Билгреста начались проблемы с азартными играми. А ещё он некоторое время спекулировал на рынке зерна и, в основном, ошибался. Это, плюс необходимость сохранить лицо в Трелейне уничтожили большую часть накопленного им капитала, вследствие чего, будучи идиотом, он перестал платить взносы в страховой фонд, чтобы сократить расходы, а затем корабль, перевозивший его товар, потерпел крушение у мыса Джерджис. Ну и... – Она снова пожала плечами. – Сам понимаешь, что случилось потом.

– Могу себе представить. Но у Дерсин есть деньги. Почему она не внесла залог?

– У нее не так много денег, Рингил. Вечно ты думаешь, что...

– Мы ведь о ее гребаной дочери говорим, клянусь Хойраном. А у Гарата есть состоятельные друзья, не так ли? Они могли собрать нужную сумму. И вообще, почему они просто не выкупили Шерин?

– Они не знали. Билгрест никому не рассказывал, как идут дела, а Шерин ему подыгрывала. Она всегда была гордой, и ей известно, что Гарат так и не одобрил этот брак. Видимо, он уже несколько раз одолжил им деньги и ничего не получил обратно. Думаю, Гарат и Билгрест повздорили. После этого Шерин перестала просить. Перестала их навещать. Дерсин не видела ни ее, ни зятя несколько месяцев. Мы обе были в Ланатрее, когда узнали о случившемся, и пока новости дошли до нас, пока мы вернулись в город... прошла, наверное, неделя. Нам пришлось вламываться в дом. – Она едва заметно вздрогнула. – Все равно что войти в гробницу. Мебели не было, судебные приставы забрали все, даже шторы и ковры, и Билгрест просто сидел там, заперев ставни, и что-то бормотал себе под нос в темноте.

– Дети у них есть?

– Нет, Шерин бесплодна. Мне кажется, поэтому она и цеплялась за Билгреста – ему было все равно.

– Великолепно... Ты ведь понимаешь, что это значит, да?

Опять ненадолго воцарилась тишина. Принесли кофе с вчерашним хлебом, который поджарили, чтобы размягчить, с несколькими разновидностями джема и масла, а также подогретым бульоном. Охранники и компаньонки набросились на еду с воодушевлением, от которого Рингил испытал новый легкий приступ тошноты. Ишиль сделала небольшой глоток кофе и опять устремила на сына мрачный взгляд.

– Я сказала Дерсин, что ты займешься поисками.

Рингил изогнул бровь.

– Так и сказала? Это было опрометчиво.

– Пожалуйста, не будь таким, Гил. Тебе заплатят.

– Мне не нужны деньги. – Рингил ненадолго закрыл глаза. – Почему отец не может с этим разобраться? Не похоже, чтобы ему не хватало людей.

Ишиль отвела взгляд.

– Ты знаешь мнение твоего отца о моей семье. А со стороны Дерсин, если углубиться на пару поколений, почти настоящие болотные обитатели. Вряд ли они достойны его милости. Как бы там ни было, Гингрэн не пойдет против эдиктов. Ты знаешь, как все обернулось после войны. Это законно. Шерин продали по закону.

– Но ведь можно подать апелляцию. В хартии есть такое положение. Заставь Билгреста поползти на коленях в Канцелярию, пусть принесет публичные извинения и пообещает возместить убытки, выступи гарантом, если Дерсин не сможет достать деньги, а отец не захочет пачкать руки.

– По-твоему, мы не пытались так сделать?

– Что же произошло?

Внезапная вспышка надменного гнева – та сторона Ишиль, которую он почти забыл.

– А случилось, Рингил, то, что Билгрест предпочел удавиться, а не извиниться. Вот что случилось.

– Опаньки.

– Не смешно.

– Пожалуй, не смешно. – Он сделал еще глоток чая. – Зато очень благородно. Лучше смерть, чем бесчестье, и все такое. Да еще от торговца готовым товаром. Замечательно. Отец, вероятно, был впечатлен, сам того не ожидая.

– Твои отношения с отцом тут ни при чем, Рингил!!!

Компаньонки застыли. Крик Ишиль отразился от низкой крыши обеденного зала; в дверях кухни и окне, выходящем во двор, появились изумленные лица зевак. Охранники переглянулись, явно задаваясь вопросом, ожидают ли от них демонстрации силы, которая должна заставить крестьян вернуться к своим делам. Рингил встретился взглядом с одним из них и слегка покачал головой. Ишиль сжала губы, глубоко вздохнула.

– Это не касается твоего отца, – тихо проговорила она. – Я не такая дура, чтобы на него рассчитывать. Это услуга, о которой я прошу тебя.

– Мои дни борьбы за справедливость, истину и свет миновали, мама.

Она резко выпрямила спину.

– Меня не интересует справедливость или истина. Это семья.

Рингил снова закрыл глаза и помассировал переносицу двумя пальцами.

– Почему я?

– Потому что ты знаешь этих людей, Гил. – Она протянула руку через стол и коснулась его свободной руки тыльной стороной ладони. От соприкосновения он распахнул глаза. – Живя дома, ты постоянно тыкал нас носом в этот факт. В Трелейне ты сможешь отправиться в такие места, куда я не сумею пойти, а твой отец не захочет. Ты сможешь...

Она прикусила губу.

– Нарушить эдикты, – уныло закончил он вместо нее.

– Я обещала Дерсин.

– Мама. – Внезапно в похмельной голове прояснилось. Гнев и острое чувство несправедливости случившегося нахлынули, наделив Рингила какой-то смутной силой. – Ты понимаешь, о чем просишь? Ты ведь знаешь, какой у работоторговли уровень прибыли. Хоть представляешь себе, как ведут себя те, у кого такие побудительные мотивы? Эти люди балду не пинают, чтобы ты знала.

– Я знаю.

– Ничего ты не знаешь. Сама сказала, прошло уже несколько недель, как все случилось. Если бесплодие Шерин можно удостоверить письменно – а там есть кудесники, способные это быстро установить, – ее точно отправят на рынок профессиональных наложниц, скорее всего, уже отправили из Трелейна в какой-нибудь учебный бордель в Парашале. У меня уйдут недели, чтобы его разыскать, а к тому времени ее почти наверняка опять выставят на торги где угодно в Лиге или даже на юге, в Империи. Один в поле не воин.

– Говорят, при Виселичном Проломе с тобой вышло иначе.

– Ох, прошу тебя...

Он угрюмо уставился в глубины своей кружки. «Ты знаешь этих людей, Рингил». Если бы голова не болела так сильно, он рассмеялся бы. Да, он знал этих людей. Он знал их, когда рабство еще было формально незаконным в городах-государствах, и они зарабатывали на развлечения другими, столь же незаконными промыслами. Вообще-то, «знал» – мягко сказано, ведь он, как многие трелейнские юноши при деньгах, был заядлым клиентом «этих людей». Запрещенные вещества, недозволенные сексуальные практики, вещи, которые всегда будут создавать рынок с до нелепости огромной прибылью и тайными социальными рычагами. О, он отлично знал этих людей. Слаба Финдрича, к примеру, с его глазами-дырами и привычкой слюнявить трубку, которую они делили. Милягу Милакара, который убивал предателей, щедро перебарщивая с веществами – глядя на происходящее сквозь неврастенический туман фландрейного кайфа, Рингил думал, что участь не так уж плоха, и дурная подростковая ирония, которую он в то время в себе пестовал, играла в душе. Поппи Снарл, жесткую красавицу с нарисованным лицом и усталым фальшивым терпением, которое как бы говорило: «ты же не считаешь, что я такое стерплю» – она пускала его в ход, верша очередную суровую кару, которыми славилась и которые неизменно калечили на всю оставшуюся жизнь. Как-то раз он удовлетворил ее языком – один Хойран знает, почему, но в тот момент это казалось хорошей идеей, – и отправился домой с непривычным запахом женщины во рту и на пальцах, а также с ощущением, что испачкался в дерьме. Снарл и Финдрич баловались работоторговлей, даже когда это не одобрялось, и оба с восторгом рассказывали, чего можно достичь, если законодатели немного расслабятся и откроют рынок долгов раз и навсегда.

Теперь, должно быть, они в деле по самой макушку.

Ему вдруг стало интересно, как выглядит Миляга. Оставил ли бородку, побрился ли наголо, как пообещал сделать, когда начал лысеть.

«Ой-ой».

Ишиль взглядом матери увидела в нем перемену. Возможно, еще до того, как он сам все осознал. Что-то изменилось в ее лице; подведенные сурьмой черты едва заметно смягчились, будто художник большим пальцем растер штрихи, нарисованные слишком резко. Рингил посмотрел на нее и успел это заметить. Он закатил глаза и напустил на себя страдальческий вид. Губы Ишиль приоткрылись.

– Нет, молчи. – Он предупреждающе вскинул руку. – Молчи, и все.

Мать ничего не сказала, но улыбнулась.

* * *

Сборы не заняли много времени. Он поднялся в свою комнату, пронесся сквозь нее, как раздосадованный вихрь, и побросал дюжину предметов в ранец. В основном, это были книги.

Вернувшись в пивную, он снял Друга Воронов и кириатские ножны с их места над каминном. К этому времени вокруг были люди, работники, гости и те, кто его знал – и все разинули рты, увидев, как он снимает меч. Ножны в руке ощущались странно; это был первый раз за долгое время, когда он снял их с креплений. Рингил совсем забыл, какие они легкие. Он вытащил клинок примерно на ладонь, поднес к свету и, прищулив глаза, взглянул вдоль лезвия – а миг спустя понял, что повода к такому действию не было, это просто бахвальство. Его настроение резко переменялось. Тень улыбки проступила в уголке рта, а с нею пришло растущее ощущение движения – то, чего он не ожидал испытать.

Рингил закинул меч в ножнах на плечо, взял ранец в другую руку и направился обратно в столовую, где убирала со стола недоеденное свитой Ишиль. Хозяин постоянного двора остановился, держа в каждой мясистой руке по подносу, и прибавил собственный разинутый рот к коллекции.

– Что ты делаешь? – жалобно спросил он.

– Смена декораций, Джеш. – Рингил закинул ранец на другое плечо и быстро похлопал хозяина по обтянутому фартуком боку. Все равно что шлепнул по окороку. – Я отлучусь на пару месяцев. Зимовать буду в Трелейне. Вернусь задолго до весны.

– Но, но, но... – Джеш отчаянно подыскивал вежливые слова и точку опоры. – А как насчет твоей комнаты?

– А-а. Сдай ее. Если сможешь.

Вежливость начала испаряться.

– А твой счет?

– Да, точно. – Рингил вскинул палец, прося минутку снисхождения, и подошел к двери во двор. – Мама?

Они оставили Джеша у двери, считающим деньги с куда меньшим воодушевлением, чем то, которое должна была вызвать такая сумма. Рингил последовал за царственным шлейфом Ишиль к карете и забрался внутрь, ощущая роскошь обстановки, от которой отвык. Обитые узорчатыми шелками стены и дверь, застекленные окошки, свисающий с потолка вычурный фонарик. По двум скамьям, расположенным напротив друг друга и достаточно широким и длинным, чтобы служить кроватями, было разбросано множество подушек, а снизу выглядели скамеечки для ног с мягкой обивкой. В углу стояла корзина с крышкой, рядом с нею – фляги и кубки. Ишиль устроилась в уголке и с облегчением вздохнула, когда последняя из спутниц забралась внутрь.

– Наконец-то! Я никогда не пойму, что ты здесь нашел, Рингил. Клянусь, никто из этих людей за последнюю неделю толком не испугался.

Он пожал плечами. Мать была не далека от истины. Бани с горячей водой являлись роскошью в местах вроде Виселичных Вод. А в это время года купание в реке быстро делалось непривлекательным занятием.

– Ну, мама, это же чернь. С той поры, как Лига ввела налог на бани, они просто утратили интерес к личной гигиене.

– Рингил, я просто так сказала.

– Ну, так не говори. Эти люди – мои друзья. – Тут ему в голову пришла мысль, жалкое зернышко истины в сердце лжи. Он остановил компаньонку, которая собиралась закрыть дверь. Ухватился за верхний край двери, высунулся наружу и, подавшись вперед, сумел дотянуться до голенища сапога возницы. Тот дернулся и вскинул руку с кнутом, одновременно оглядываясь в поисках того, кто его задел. Когда он увидел, кто к нему прикоснулся, его рука упала, как отрубленная, и он побелел.

– О, боги, ваша милость, простите. – Возница будто выдавливал из себя слова. – Я не хотел... то есть, я думал... простите меня, пожалуйста.

«Ваша милость?»

М-да, к этому придется заново привыкать.

– Ладно, ладно. Больше так не делай. – Рингил взмахом руки указал примерное направление. – Послушай, я хочу, чтобы ты на выезде из города завернул к кладбищу. Там на углу есть синий домик. Остановись возле него.

– Да, ваша милость. – Возница никак не мог заставить себя поскорее повернуться к лошадям. – Будет сделано, господин. Будет сделано.

Рингил забрался обратно в карету и закрыл дверь. Он не обратил внимания на пытливый взгляд матери, поэтому, когда они выехали со двора на улицу, ей пришлось спросить.

– Для чего нам заезжать на кладбище?

– Я хочу попрощаться с другом.

Она издала один из своих тихих усталых вздохов, и Рингил потрясенно осознал, что этот маленький трюк отбросил его более чем на десять лет назад, в юные годы. Снова пойман забравшимся в дом на заре, через комнаты слуг, где пытался затеряться среди горничных. Ишиль стоит на верхней ступеньке кухонной лестницы в халате, скрестив руки; лицо чисто вымытое, без следа макияжа, и суровое, как у разъяренной королевы ведьм.

– Гил, зачем вся эта мучительная мелодрама?

– Я не о мертвом друге, мама. Он живет рядом с кладбищем.

Она изогнула одну безупречно ухоженную бровь.

– В самом деле? Очень рада за него.

Карета катилась через город, который едва начал просыпаться.

Когда они добрались до жилища Башки, наружная дверь была плотно закрыта, что обычно значило, что школьный учитель еще в постели. Рингил выпрыгнул наружу и пошел в обход, через кладбище. Замерзшая трава хрустела под ногами, иней блестел на каменных надгробиях. Одинокий скорбящий стоял посреди могил, закутанный в кожаный плащ с заплатками и в широкополой шляпе, затеняющей лицо. Он поднял голову, когда появился Рингил, и встретил взгляд мечника с видом, в общем, безразличным, но на суровом лице мелькнуло подобие узнавания. Рингил с похмельным апломбом это проигнорировал. Он пробрался между могил и заглянул в ближайшее окно. По другую сторону грязного стекла школьный учитель бестолково возился со сковородой у кухонной плиты и, судя по лицу, пересиливал скромное похмелье. Рингил ухмыльнулся и постучал в окно. Ему пришлось сделать это дважды, прежде чем у Башки пробудилось чувство направления, и он понял, откуда исходит шум. Затем учитель нетерпеливым жестом указал ему на вход. Рингил вернулся к карете и заглянул в открытую дверь.

– Я зайду на минутку. Хочешь со мной?

Его мать беспокойно завертелась.

– Кто этот твой приятель?

– Местный школьный учитель.

– Учитель? – Ишилль закатила глаза. – Нет, воздержусь, Рингил. Пожалуйста, поспеши.

Башка впустил его и провел мимо спальни к кухне. Рингил успел заметить через приоткрытую дверь распростершуюся среди простыней пышную фигуру с длинными рыжими волосами. Он смутно припомнил, что накануне вечером в последний раз видел учителя, когда тот шел по улице в обнимку с двумя местными шлюхами и, завывая, читал звездам исковерканную литанию, где вместо имен богов были вставлены непристойные части тела. Это затерялось в общем веселье.

– У тебя там Рыжая Эрли? Она действительно пошла к тебе домой?

Башка ухмыльнулся от уха до уха.

– Обе, Гил, обе со мной пошли. Эрли и Мара в придачу. Лучший Падров канун из всех.

– Да ладно? И где же Мара?

– Она потом удрала. Украла мой кошель. – Даже этого признания было недостаточно, чтобы стереть ухмылку с пылкого лица Башки. Он добродушно покачал головой. – Я же тебе говорю – это лучший Падров канун из всех.

Рингил нахмурился.

– Хочешь, чтобы я ее разыскал и вернул кошель?

– Нет, забудь. Там все равно мало оставалось. – Он тряхнул головой, как выбравшийся из воды пес, и тихонько ухнул. – И, справедливости ради, девица отработала каждый грош.

Рингил поморщился от эпитета «девица», коим Башка одарил Мару.

– Ты чересчур мягкосердечен, Баш. Мара бы никогда так не поступила с одним из своих постоянных клиентов. Особенно в таком маленьком городе. Она не посмела бы.

– Это не имеет значения, Гил, честное слово. – Башка ненадолго протрезвел. – Я не хочу, чтобы ты что-то с этим делал. Оставь Мару в покое.

– Знаешь, это, наверное, тот маленький говнюк Фег ее заставил. Я мог бы...

– Гил. – Башка взглянул на него с упреком. – Ты портишь мне похмелье.

Рингил остановился. Пожал плечами.

– Ладно, как скажешь. Тогда, хм, тебе нужно немного денег. Чтобы дотянуть до конца праздника?

– Ага. – Башка фыркнул. – Можно подумать, Гил, ты в состоянии дать мне в долг. Ладно тебе, я выкручусь. Ты же знаешь, перед Падровым днем всегда надо кое-что отложить.

– У меня есть деньги, Баш. Меня только что наняли. Купили мои услуги мечника. Работенка подвернулась, ага? Деньги есть, если надо.

– Ну так мне не надо.

– Ладно. Я просто спросил.

– Перестань спрашивать. Я же тебе сказал, со мной все в порядке. – Башка немного помолчал, осознавая истинную причину, по которой Рингил зашел его навестить. – Так ты, э-э, уезжаешь? Ну, чтобы выполнить твой договор?

– Ага, на пару месяцев. Не успеешь оглянуться, как я тут. Слушай, в самом деле, если тебе нужны деньги – ты же платил за меня в прошлом и...

– Я же сказал тебе, все в порядке, Гил. Куда ты едешь?

– Трелейн. И, может, на юг. – Внезапно ему расхотелось что-то объяснять. – Как я уже сказал, вернусь через несколько месяцев. Работа не тяжелая.

– Буду скучать по тебе и нашим вечерам в середине недели. – Башка изобразил движение шахматной фигуры. – Наверное, придется играть с Брантом в кузнице. Только подумай, на что будут похожи разговоры с ним...

– Да, я тоже буду скучать... – Он запнулся, даже теперь по привычке чрезмерно осторожный. – ...по нашим разговорам.

«А вот и нет».

Осознание вспыхнуло, как скомканная бумага, брошенная в огонь. Вот ее лижет пламя, и она изгибается, рассыпаясь искрами, но боль быстро проходит – и все исчезает. «Ты не будешь скучать по шахматным вечерам и болтовне с Башкой, и ты это знаешь, Гил». Он и впрямь это знал – знал, что в прибрежных районах Трелейна компанию в два раза умнее школьного учителя можно отыскать в любой кофейне. Он также знал, что несмотря на доброту Башки и немногие темы, интересные им обоим, этот человек никогда не был ему другом – по крайней мере, не в том смысле, который имел значение.

Вдруг сквозь упрямую головную боль впервые по-настоящему пробилось осознание: он действительно возвращается. И не просто для того, чтобы опять махать клинком – это был старый навык, который уже пробудился, как пробуждается желание проверить, на месте ли деньги в кошельке, а затем вновь угасает вместе с успокоившимся сердцебиением. Дело в другом. В том, что он возвращается к шумному и драчливому торжищу многолюдного Трелейна и всему, что оно значило. Назад, в теплую утробу юности, в сооруженную неумехами теплицу, которая его сперва взрастила, а потом стала вызывать тошноту. Назад к той части себя, которая, как он считал, зачихала и сгорела в пламени войны.

«Видишь, Гил, ты ошибался».

Он попрощался со школьным учителем, дурашливо подмигнул в сторону спальни и ушел так быстро, как позволяли приличия.

Сел в карету, молча забился в угол. Нетерпеливый возница ударом хлыста заставил лошадей двинуться с места. Они поехали по тихим улочкам, мимо городских границ и низких деревянных сторожевых башен, по широкой дороге вдоль предгорий, минуя горы и Виселичный Пролом, на запад, к лесам, Наомской равнине и морю за ней. Туда, где Трелейн ждал в мерцающем великолепии на берегу. Теперь, когда образ поселился в его разуме, даже отсюда он чувствовал сосущую тоску.

Рингил уставился на переменчивый пейзаж за окном.

– Ну, как у него дела? – наконец спросила Ишиль. – У твоего друга-учителя?

– Страдает от похмелья и остался без гроша после кутежа с проститутками. А почему ты спрашиваешь?

Ишиль вздохнула с изысканным презрением и демонстративно отвернулась, устремив взгляд в другую сторону кареты, которая подпрыгивала и тряслась на ухабах. Компаньонки хихикали, переглядывались и болтали о нарядах.

Новое знание сидело рядом с Рингилом, словно труп, который никто не видит.

Он возвращался к себе такому, каким был раньше, и хуже всего то, что у него не получалось об этом сожалеть.

На самом деле, теперь, когда все завертелось, он изнывал от нетерпения.

Глава 4

«Приведите ко мне Арчет».

Император отдал приказ, и от него, словно от брошенного в воду камня, во все стороны разошлись круги. Придворные, стараясь завоевать благосклонность повелителя, наперегонки принялись командовать прислужниками, которые, в свою очередь, разбежались по дворцовым лабиринтам в поисках госпожи кир-Арчет. От них волна суетливых поисков перешла к простым слугам, потом – к рабам, так что вся дворцовая пирамида власти отвлеклась от ежедневных рутинных занятий, увлекшись розысками. Слухи ядовитыми змеями извивались вокруг простого императорского поручения: тон его голоса определили, как нечто среднее между раздражением и гневом, а такую интонацию все при дворе, включая весьма пожилых надзирателей, за последние годы привыкли воспринимать с обостренной тревогой. Лучше всем причастным сделать так, чтобы Арчет явилась побыстрее.

К сожалению, как теперь нередко случалось, госпожу Арчет нигде не могли найти. Шептались, что с самой экспедиции в Шактур она стала угрюмой и молчаливой, а также более непредсказуемой в ситуациях, требовавших перво-наперво обдуманых действий и дипломатичности. У нее появилась склонность бродить по коридорам дворца и городским улицам в неуточный час, а еще исчезать в восточной пустыне в одиночку, на недели, с таким количеством еды и воды, которое, как бормотали сплетники, граничило с самоубийством. Что касается дворцового распорядка дня, она была в равной степени нечувствительна к смертельному риску; пренебрегала обязанностями, а упреки выслушивала с невозмутимостью, граничащей с оскорбительным высокомерием. Говорили, ее дни при дворе сочтены.

«Приведите ко мне Арчет».

Неисполненный приказ отражался эхом и бился волной о дворцовые стены там, где они окружали дальние императорские сады. Кое-кто из придворных запаниковал. Призыв передали дальше, за стены, в город, на этот раз доверив его имперским служакам, так называемым Монаршим гонцам, которые славились умением находить людей, где угодно в границах широко раскинувшейся Империи, и приволакивать их в столицу. Гонцы в черных с серебром ливреях рассеялись группами по улицам, пробираясь в сердце города под скопищем разрисованных куполов, увенчанных башенками – про это творение зодчих Рингил как-то раз недобро сказал, что оно выглядит как гулянка улиток-потаскух, – стучались в двери курилен и таверн, с небрежной жестокостью избивали всех, кто мог что-то знать. Это было потрясающе неправильное использование ресурсов, все равно что крошить лук боевым топором, но когда император отдает приказ, никто не жаждет оказаться в числе недостаточно расторопных. После восшествия на престол сына Акала Великого слишком многие испытали на своей шкуре последствия такой ошибки.

Самым удачливым гонцам понадобился примерно час, чтобы узнать от торговцев на бульваре Невыразимой Божественности, что в последний раз Арчет видели, когда она неспешно и целеустремленно шла в сторону имперских верфей, сжимая в одной руке кувалду на длинной ручке, а в другой – трубку для кринзанца. Оттуда этой полудюжине особо важных посланцев было нетрудно отследить маршрут, войти на верфи и пробраться через скелетоподобные кили строящихся судов, на каждом повороте спрашивая про Арчет. Рабочим верфи было еще проще – они поворачивались и красноречиво тыкали пальцем.

В конце верфи, в сухом доке на подпорках, которые от ржавчины намертво приросли к корпусу, вдали от более заурядных деревянных соседей, стоял потрепанный, весь в пятнах кириатский огненный корабль. Это был один из последних, доставленных из пустыни, пока Акал Великий сидел на троне и разрешал подобные траты. Вокруг судна витала аура заброшенности и черной железной злобы. Монаршие гонцы, тщательно отобранные и известные отва-

гой в напряженных обстоятельствах, созерцали корабль без энтузиазма. Кириатские творения встречались в городе повсюду и уже много веков, но от этих посудин холодок бежал по хребту: громадные, с раздутыми боками, словно причудливые морские твари из глубин, угодившие в сети неудачливого рыбака; покрытые жаберными щелями, щупальцами и глазами, непривычными и больше подходящими живому созданию, а не тому, что было задумано и построено; с корпусами в шрамах и волдырях от частых походов в обитель демонов, где кости и плоть растаяли бы без следа в один обжигающий миг. Кто мог знать, какую прилипчивую иномирную порчу они принесли из мест, где побывали?

Изнутри закрытого железного цилиндра – точнее, из пасти распахнутого люка, одного из пяти, располагавшихся в нижней части корпуса, – доносился неистовый, ритмичный звон ударов металла по металлу. Звук был такой, словно кто-то пытался выбраться на свободу из заточения.

Взгляды скрестились, ладони легли на потертые рукояти оружия. Посланцы императора двинулись вперед, и каждый шаг, погружающий их в тень массивного огненного корабля на подпорках, был более напряженным, чем предыдущий. Наконец они остановились, собравшись группой за рамой сухого дока, который поддерживал судно, в дюжине шагов от люка. Каждый старался не наступить на какое-нибудь безвольно обвисшее щупальце, тянущееся от корпуса и лежащее недвижно в пыли верфи, словно оброненный кнут. А вдруг эта штуковина, сколько бы лет ни прошло с той поры, как ее использовали в последний раз, извернется и хлестнет, внезапно наполняясь жизнью и страстью убивать, обовьется вокруг неосторожно подставленной конечности и рванет так, что ее владелец, потеряв равновесие, взлетит в воздух, вопя, а потом его начнут мотать туда-сюда или будут бить о покрытый сажей железный бок корабля, пока бедолага не превратится в кашу?

– Сифилитический сын нечистой, верблюдом траханной манды!!!

Оглушительный металлический грохот сопровождал последнее слово, но не заглушил его. Посланцы вздрогнули. Кое-кто вытащил клинок на пару дюймов из ножен. Следуя по пятам за отголосками удара, раньше, чем кто-нибудь успел пошевелиться, голос зазвучал снова, выражаясь ничуть не приличнее, звуча с той же безумной яростью. Его сопровождал металлический лязг загадочной битвы, развернувшейся в недрах корпуса. Монаршие гонцы встали столбами, их лица покрыли бусины пота от неистового жара почти полуденного солнца. В этот момент всплывшие в памяти слухи о колдовстве тревожили их нутро, вызывая озноб.

– Это изгнание злого духа?

– Это кринзанц, – догадался более прагматичный участник поисков. – Она на хрен сбрендила.

Другой посланец кашлянул.

– Э-э, госпожа Арчет...

– ...будешь еще затыкать мне рот, мать твою? Будешь? Будешь, мммааа...

– Госпожа Арчет! – крикнул гонец в полный голос. – Император требует вашего присутствия!

Ругательства резко прекратились. Металлическая какофония стихла. На протяжении некоторого времени открытый люк источал тишину, не менее зловещую, чем предшествовавший ей шум. Затем раздался слегка охрипший голос Арчет.

– Кто там?

– Мы из дворца. Император вас вызывает.

Невнятное бормотание. Звонкий стук упавшей кувалды, потом суетливое копошение. Вскоре из люка показалась перевернутая голова Арчет – эбеновое лицо, обрамленное заплетенными в толстые и жесткие, беспорядочно торчащие косы волосами. Она одарила посланцев чересчур широкой ухмылкой и сказала:

– Ладно. На сегодня, пожалуй, хватит чтения.

* * *

К тому времени, как они вернулись во дворец, начался криновый отходняк. Император ждал в Палате разоблаченных секретов – факт, чью важность не упустили из виду придворные, назначенные сопровождать Арчет, которых она встретила по пути. Она прошла мимо них и отметила, какими взглядами они обменялись. Палата разоблаченных секретов представляла собой плот с навесом, сооруженный из редких пород дерева и шелков, стоявший на якоре в центре закрытого бассейна пятидесяти ярдов в поперечнике. В куполе крыши имелось единственное окно. Вода сплошным потоком лилась по искусно вырезанным мраморным стенам по периметру комнаты, делая подслушивание невозможным, а в бассейне обитала крайне смышленная разновидность осьминогов, которых регулярно кормили приговоренными преступниками. Все, что говорилось в Палате, предназначалось для ушей тех, кому безгранично доверял император, или тех, кому не суждено было отсюда выйти. И в такие изменчивые времена было трудно предсказать, к какой из групп причислят кого бы то ни было.

Арчет наблюдала с наркотическим безразличием, как двое пожилых придворных, взявших на себя обязательство привести ее сюда, воровато поглядывают в бассейн. Из-за ряби на воде там было невозможно что-то разглядеть. Беспокойное пятно цвета могло быть и осьминогом, который разворачивал щупальца, и просто камнем, а полоса в воде – щупальцем или побегом водоросли. Лица придворных от неуверенности выглядели так, будто их мучает кишечное расстройство, а царивший в комнате зыбкий, бледный свет лишь усиливал кажущиеся признаки болезни.

Зато лицо раба, который вез их через бассейн в коракле¹, отталкиваясь шестом от дна, напоминало камень. Он знал, что ему предстоит перевезти императора обратно, и, в любом случае, он был глухонемым, аккуратно отобранным, а то и искалеченным специально для такой работы. Он бы ничего не услышал и не мог выдать ничьи секреты.

Они достигли плота и тихонько ударились о его край, покрытый замысловатой резьбой. Раб потянулся к одной из опор навеса и закрепил лодочку, пока придворные выбирались из нее с явным облегчением. Арчет вышла последней, кивком поблагодарив раба. Это был машинальный жест – кириатские привычки даже здесь сохранялись. Раб, как любой предмет обстановки, не обратил на нее внимания. Она скривилась и последовала за придворными через лабиринт занавесок в центр плота, озаренное свечами великолепие и императорское присутствие. Она преклонила колени.

– Мой повелитель.

Его светлость Джирал Химран II, первый сын Акала Химрана, прозванного Великим, ныне в силу престолонаследия Хранитель Ихельтетской Твердыни, Пастырь Семи священных племен, Советчик пророка, Главнокомандующий имперских войск, Защитник открытого моря и Законный император Всех Земель не сразу отвлекся от распростертого тела девушки, с которой забавлялся.

– Арчет... – пробормотал он, хмуро рассматривая разбухший сосок, который катал между большим и указательным пальцами. – Я ждал почти два часа.

– Да, мой повелитель. – Извиняться она не собиралась.

– Это долго для самого могущественного человека в мире, Арчет. – Голос Джирала был тихим и невыразительным. Он провел свободной рукой по мягкой равнине женского живота и запустил ее в тень меж согнутых ног. – Слишком долго, как твердят некоторые мои советники. Они считают, тебе... – Рука продвинулась глубже, и женщина напряглась. – ...не хватает уважения. Я спрашиваю себя, так ли это?

¹ Коракл – маленькая лодка с каркасом из ивовых прутьев, обтянутых шкурой.

Почти все внимание Арчет занимала женщина. Как большинство обитательниц гарема, она была северянкой, с длинными руками и ногами, бледной кожей. Груды большие, хорошей формы, еще не отмеченные материнством. Ни цвет волос, ни черты лица Арчет не разглядела – от шеи до макушки наложила окутывала гаремная вуаль из черного муслина, – но могла поклясться, что ее привезли из краев, которые опрометчиво называют себя «свободными торговыми государствами». На рынках Ихельтета в последнее время такие рабыни изобиловали, поскольку экономика на севере трещала по швам, и целые семьи продавали, чтобы покрыть их долги. По слухам, которые дошли до Арчет, в свободных городах быстро формировался новый класс работарговцев; это были хитрые предприниматели, которые быстро зарабатывали состояния, приобретая местную плоть по бросовым ценам, а затем продавая ее на юге, в Империи, где многовековая традиция рабства создала массивный и устойчивый рынок и где никогда не утихала жажда экзотики. На протяжении долгого пути в имперские земли первоначальная цена женщины вроде этой могла легко увеличиться раз в пятьдесят. С такими прибылями и военным долгом, в большинстве городов еще в значительной степени неоплаченным, неудивительно, что Лига вновь с воодушевлением занялась торговлей. Аккуратно и весело откатилась назад почти два столетия – во времена, предшествовавшие отмене рабства, – чтобы обеспечить себе новый приток богатства.

Император отвлекся от своего занятия.

– Я требую ответа, – мягко проговорил он.

Арчет на миг задумалась, не собирается ли Джирал наказать женщину у нее на глазах, причинить боль за предполагаемое отсутствие уважения не ей самой, а кому-то другому. Спокойный, разумный упрек он приберег для женщины с чернейшей кожей, которая стояла рядом, в то время как другая, белая словно молоко, страдала у него на коленях от физической жестокости, словно вывернутый наизнанку аватар. Арчет такое уже видела: раба исхлестали до крови за выдуманное нарушение, и на фоне мучительных воплей и влажных ударов хлыста, Джирал тихонько отчитывал одного из своих распорядителей. Он не был – и никогда не станет – воином, как отец, зато от Акала Химрана Джиралу достался тот же прозорливый ум, а с ним – глубина дворцовой изощренности, которую Акал Великий, вечно пребывающий в седле то в одном конце своей Империи, то в другом, так и не удосужился приобрести.

Или, может, женщина здесь только для искушения. В императорском дворце мало что удавалось сохранить в секрете, и о предпочтениях Арчет шептались повсюду, пусть никто ничего не знал и не испытал наверняка.

Она кашлянула и почтительно опустила голову.

– Я работала, мой господин. Надеюсь, что на верфи удастся добиться успеха, который мог бы принести благо Империи.

– А-а. Вот как.

Во взгляде императора что-то мелькнуло. Он вытащил руку из межножья бледной северянки, деликатно понюхал пальцы, словно повар-гурман, а потом хлопнул ее по заду. Она соскользнула с его колен – ее явно научили правилам приличия – и на четвереньках уползла с глаз долой.

– Можешь встать, Арчет. Сядь рядом со мной. Вы двое. – Он кивком указал на придворных, замерших, словно два деревянных истукана. – Пошли вон. Займитесь... теми важными делами, какими обычно заполняете свободное время. Ах, да... – Рука ладонью кверху, царственный жест великодушия. – Молодцы. В списках нового сезона для вас, несомненно, кое-что найдется.

Придворные с поклоном удалились. Арчет опустилась на подушку по левую руку от Джирала и проследила за ними взглядом, полным смеси зависти и презрения. Как только за их спинами опустились завесы, Джирал наклонился к ней и крепко ухватил за подбородок. Его пальцы все еще были влажными и хранили запах промежности белой женщины. Он притянул

Арчет к себе и уставился на нее так, словно ее череп был диковинкой, продающейся в базарной лавке.

– Арчет. Ты должна наконец взять в толк, что кириаты ушли. Точка! Они тебя бросили. Ты ведь это осознаешь, верно?

А вот и наказание. Арчет уставилась Джиралу через плечо и ничего не сказала. Император нетерпеливо потряхнул ее, держа за челюсть.

– Верно, Арчет?

– Да. – У слова, что сорвалось с ее губ, был привкус тухлятины.

– Грашгал отказался взять тебя с собой и сказал, что они не вернуться. «Жилы Земли уведут нас отсюда, как когда-то привели сюда. Наше время истекло, дела наши закончены». – Голос Джирала звучал добросердечно, покровительственно. – Ведь он это сказал в Ан-Монале, прощаясь? Что-то вроде этого?

У нее в горле застрял комок.

– Да, мой повелитель.

– Эпоха кириатов закончилась, Арчет. Наступила эпоха людей. Тебе стоит помнить об этом, как и о своих новых обязательствах. Ага?

Она с трудом сглотнула.

– В-величество...

– Славно. – Он отпустил ее подбородок и выпрямился. – Как она тебе?

– Мой господин?

– Девушка. Новенькая. Как она тебе? Послать ее в твою спальню, когда я сам с ней закончу?

Арчет подавила обжигающую боль за глазами яблоками и сумела проговорить сухим, сдержанным голосом:

– Мой повелитель, я никак не соображу, с чего мне могла бы понадобиться такая милость.

– Хватит, Арчет. Разве ты видишь тут надзирателя? Мы одни – и это наши мирские заботы, мои и твои, впитанные во время бурь учения и опыта, кои обрушил на нас этот мир. – Император взмахнул своей пахнувшей рукой. – Давай хоть насладимся удовольствиями, которые из него проистекают. Законы, высеченные в камне, годятся для черни, но мы разве не выше таких жалких доводов?

– Мне не дано подвергать сомнению Откровение, мой господин.

Поспешно заимствованные слова Пророка прозвучали веско, словно им вторило грозное эхо, и результат не заставил себя ждать. Вид у Джирала стал раздраженный и обиженный.

– Ну, это понятно, Арчет. «Никто в мире материальном сим правом не наделен». Но поразмысли, ведь даже толкования Ашнала говорят, что должно существовать некое воздаяние за бремя руководства, ослабление пут, предназначенных для управления теми, кто не может сам собой управлять. Да ладно тебе, я пришлю девчонку, как только ты вернешься.

– Вернусь, мой господин?

– Ах да. Я посылаю тебя в Хангсет. Похоже, там беспокойно. Какие-то бандиты напали на город. Донесения невнятные.

Арчет моргнула.

– Хангсет – порт, в котором есть гарнизон, мой господин.

– Именно так. Тем страннее, что кто-то оказался настолько туп, чтобы атаковать его. В обычной обстановке я послал бы туда подразделение любимейшей отцовской гвардии, Престола Вековечного, и забыл обо всем. Однако посланец, который доставил сообщение, считает, что в деле замешано колдовство. – Джирал увидел, какими глазами на него посмотрела Арчет, и пожал плечами. – Колдовство или наука. Он крестьянин и не очень понимает, в чем разница. Если на то пошло, я и сам не понимаю. Так или иначе, ты мой знаток в этих вопросах. Я велел, чтобы тебе оседлали коня, и можешь забирать подразделение Престола Вековечного.

С ними поедет специально приставленный и наисвятейший надзиратель, разумеется. Раз ты нынче заделалась праведницей, тебя это устроит по самое не балуйся. Они ждут тебя во внутреннем дворе западного крыла. К этому моменту, думаю, извелись от ожидания.

– Вы хотите, чтобы я уехала прямо сейчас, мой повелитель?

– Да, я буду невероятно благодарен, если ты именно так поступишь. – Голос Джирала сочился иронией. – Если пришпорите коней, думаю, будете в Хангсете завтра после полудня, да?

– Я всецело в вашем распоряжении, мой повелитель. – Ритуальная фраза отдавала пеплом во рту. С Акалом было иначе – те же слова, но такого вкуса она никогда не ощущала. – Я ваша телом и душой.

– Не искушай меня, – сухо ответил Джирал. – Итак, у тебя есть какие-нибудь требования, помимо людей, которых я предоставил?

– Гонец. Хочу допросить его до отъезда.

– Он вернется туда с тобой. Еще что-то?

Арчет размышляла так долго, насколько хватило отваги.

– Если это была атака с моря, мне хотелось бы услышать мнение Махмалия Шанты по любым найденным руинам.

Джирал хмыкнул.

– Да уж, не сомневаюсь, он обрадуется. Не думаю, что он покидал свой дом на барже с регаты в Инвале. И то лишь для того, чтобы проинспектировать новые корабли перед спуском. В этом году он точно верхом не ездил.

– Он лучший морской инженер в Империи, мой господин.

– Не поучай своего императора, Арчет. Это вредно для здоровья. – Тон завуалированной угрозы был игривым, но Арчет поняла, что задела его за живое. – Я осведомлен, почему мой отец назначил на придворные должности тех, кого назначил. Ладно, пошлю за вздорным старым ублюдком, и вы с ним встретитесь у городских ворот. Да, славная у вас будет компания.

– Спасибо, повелитель.

– Да. – Джирал потер подбородок и снова унюхал на пальцах запах рабыни. Его ноздри слегка расширились, и он небрежно взмахнул рукой. – Ладно, тебе уже пора, верно?

Арчет встала, помня о ритуалах.

– Спешу исполнить вашу волю.

– Ох, да ладно тебе, Арчет. Просто исчезни с глаз моих, ага?

Покидая императора, она прошла мимо бледнокожей рабыни, которая сидела между внутренней и внешней завесами в ожидании вызова. Девушка приподняла вуаль, и Арчет увидела, что она хороша собой – чему, наверное, не стоило удивляться. Их взгляды на миг встретились, и северянка быстро отвернулась. По ее лицу и груди разлился алый румянец.

Изнутри донеслось покашливание Джирала.

Девушка опустила на четвереньки и поспешила к зазору между занавесками. Ее груди тяжело колыхались. Арчет положила руку ей на плечо и ладонью ощутила пробежавшую по гладкой коже дрожь. Девушка взглянула на нее.

– Вуаль, – беззвучно проговорила Арчет по-наомски.

Губы северянки разомкнулись, раздался тихий испуганный возглас. Девушка заметно тряслась. Арчет успокаивающе взмахнула обеими руками, присела рядом и аккуратно вернула вуаль на место, поправив под муслином выбившийся локон желтых как свечной воск волос.

По другую сторону внутренней завесы Джирал снова откашлялся, громче. Девушка опустила голову и поползла обратно – под завесу, туда, где ее ждал светоч империи. Арчет проследила за ней взглядом, скрипя зубами и плотно сжав губы. Ее ноздри раздувались, дыхание стало шумным. На один безумный миг ее потянуло к внутренней завесе.

«Убирайся на хрен отсюда, Арчиди. Прямо сейчас».

«Просто еще одна рабыня, и все». Мысль пронеслась в голове быстрее, чем Арчет успела ее осознать. Она точно не знала, к кому относились эти слова.

Она повернулась и вышла.

Покорно занялась делами императора.

Глава 5

Там, где стремящаяся на запад широкая река Трел распадается на притоки, которые постепенно истаивают в мягком суглинке Наомской прибрежной равнины, словно линии на человеческой ладони, где море истокает мощь на акрах обнажающейся во время отлива грязи и в болотах, не в силах грозить сооружениям, построенным людьми, один из далеких предков Миляги Милакара однажды осознал совсем не очевидную стратегическую истину: город, окруженный лабиринтом из земли и воды, должен стать в каком-то смысле настоящей крепостью. Посему, будучи по натуре столь же скромным, сколь и изобретательным человеком, этот патриарх-основатель рода Милакаров не только основал своеобразное поселение, куда можно добраться лишь с местными проводниками через болото, но и отказался от права назвать город в свою честь, вместо этого нарек его Трел-а-лахейном, от старого мирликского lahaunir – «благословенный приют». Из озарения и конечной лениости людских языков родился Трелейн. С течением времени, когда камень сменил дерево, а брусчатка скрыла грязь улиц, родились кварталы и над равниной поднялись изящные башни, чтобы превратиться в город, который мы все знаем и любим, когда огни этой изысканной крепости стали видны караванам и капитанам за сутки до прибытия, происхождение города забылось, и клановое имя Милакар, к сожалению, начали ценить не больше любого другого.

По крайней мере, такую историю поведал Миляга, как всегда подкрепляя ее крепким и пылким даром рассказчика, если не подлинными свидетельствами. Немногим хватило бы самообладания назвать его в лицо лгуном, уже не говоря о том, чтобы прервать, бросив обвинение, за его же собственным обеденным столом.

Рингил стоял в занавешенном парчой дверном проеме и ухмылялся.

– Опять бред сивой кобылы, – проговорил он громко, с подчеркнутой медлительностью. – А поновее историй не найдется, Миляга?

Разговор в столовой, озаренной свечами и холодным светом Ленты, что просачивался через занавешенные шторами окна вдоль дальней стены, утих с быстротой последних песчинок в колбе часов. Взгляды сидящих за широким овальным столом людей в дорогих нарядах изумленно заматались от вновь прибывшего к хозяину и обратно. Кто-то обернулся, ухватившись рукой за спинку стула – скрипнули по полу ножки, мягко зашуршали одежды. Кто-то еще жевал последний кусок. На миг у этих людей, сытых и довольных, поубавилось самоуверенности, и они открыли рты, вытаращили глаза. Парнишка, сидящий на корточках у правого бедра Миляги, моргнул и схватился за рукоять уродливого восемнадцатидюймового мачете на поясе.

Рингил посмотрел ему в глаза. Задержал взгляд на миг, уже не ухмыляясь.

Милакар тихо цокнул языком. Это прозвучало как поцелуй. Парнишка убрал руку.

– Привет, Гил. Я слышал, что ты вернулся.

– Тебя не обманули. – Рингил перевел взгляд со слуги на хозяина. – Вижу, ты как всегда хорошо осведомлен.

Милакар – как и в прежние времена, отнюдь не такой стройный, каким хотел казаться, и не такой высокий, каким должен быть, будь его претензии на древнюю наомскую кровь законными. Не изменилась и энергичность, которую Миляга излучал даже сидя: создавалось впечатление, что он может мгновенно вскочить из кресла, принять стойку уличного бойца и крепкими мускулистыми руками без лишних церемоний отдубасить любого, кто напросился.

Пока он позволил себе лишь болезненно нахмуриться, потер подбородок подушечками указательного и среднего пальцев. Его глаза окружили морщины улыбки, которая не тронула губ. В глубине глаз роскошного синего цвета, словно пронизанный солнечными лучами океан у мыса в Ланатрее, плясали бойкие огоньки свечей. Взгляды их обладателя и неожиданного гостя

встретились, и губы Миляги шевельнулись, произнеся нечто, предназначенное лишь Рингилу и неслышное для остальных.

Пауза прервалась.

Привратник Милакара, которого Рингил запутал и нагрузил своим плащом и Другом Воронов, появился следом, покрасневшийся. Он был немолод и запыхался, пока бежал по лестнице и коридору за своевольным гостем.

– Эм-м... досточтимый мастер Рингил из Эскиатских полей, дипломированный рыцарь Трелейна и...

– Да-да, Куон, спасибо, – едко проговорил Милакар. – Мастер Рингил уже объявил о своем прибытии. Можешь идти.

– Да, достопочтенный. – Привратник бросил на Рингила ядовитый взгляд. – Спасибо, достопочтенный.

– Ах да, Куон, еще кое-что. Постарайся больше не упускать непрошенных посетителей, если сможешь. Кто знает, вдруг следующий окажется убийцей.

– Да, достопочтенный. Мне очень жаль, ваша милость. Это больше не повто...

Милакар взмахом руки прогнал его. Куон заткнулся и удалился, кланяясь и ломая руки. Рингил подавил всплеск сочувствия к человеку, на которого наступили, как на выпавший из трубки уголек: не время для подобных проявлений. Он вошел в комнату. Парнишка с мачете следил за ним блестящими глазами.

– Ты ведь не подосланный убийца, а, Гил?

– Не сегодня.

– Славно. Потому что ты, похоже, где-то оставил свой большой меч. – Милакар выдержал изысканную паузу. – Если, конечно, он у тебя по-прежнему есть. Твой большой меч.

Рингил подошел к столу примерно напротив Миляги.

– Меч при мне. – Он ухмыльнулся, расшаркиваясь перед хозяином. – И все такой же большой.

Кто-то из собравшихся за столом возмущенно ахнул. Он окинул взглядом лица.

– Простите, забыл о приличиях. Добрый вечер, господа. И дамы. – Впрочем, в строгом смысле слова последних в комнате не было. Каждой присутствующей женщине заплатили. Он изучил яства на столе, а потом наугад выбрал одну из шлюх и спросил, обращаясь к ней: – И что тут есть хорошего, моя госпожа?

Воцарилась потрясенная, слабо пульсирующая от напряжения тишина. Шлюха приоткрыла накрашенные лиловые губы и недоверчиво уставилась на него. Рингил терпеливо улыбнулся. Она беспомощно огляделась в поисках наставлений от кого-нибудь из своих разгневанных клиентов.

– Все хорошее, Гил. – Хоть комната и ошетижилась от завуалированного оскорбления, так как Рингил обратился к проститутке, пренебрегая собравшимися знатными особами, Милакар остался равнодушен. – Потому я за это и плачу. Почему бы тебе не отведать сердце пумы, вон то, желтое блюдо? Чрезвычайно вкусно. Ихельтетский маринад. Не думаю, что ты такое пробовал последние годы, пока сидел в своем захолюстье.

– Да, ты прав. Питался только бараниной и волчатиной, как все крестьяне. – Рингил наклонился и выхватил с блюда кусок мяса. Соус, капающий с пальцев оставил на скатерти полосу пятен. Он откусил, прожевал и кивнул. – Да, неплохо для бордельного застолья.

Новые возгласы. У его локтя кто-то вскочил на ноги. Бородатое лицо, не старше сорока, и не такой раскормленный, как остальные за столом, хотя дородный. Под костюмом – пурпурным с золотом, по моде верховьев реки – кое-какие мышцы, судя по виду, имелись. Гость схватился за рапиру, которую не отобрали у дверей. Рингил заметил кольцо с печаткой: эмблема изображала болотную маргаритку.

– Неслыханно! Вы не посмеете безнаказанно оскорблять это общество, Эскиат. Я требую...

– Я бы предпочел, чтобы вы меня так не называли, – перебил Рингил, не переставая жевать. – «Мастер Рингил» вполне сойдет.

– Вам нужен урок хоро...

– Сядь.

Рингил едва повысил голос, но его взгляд хлестнул как плеть. Он посмотрел в глаза противнику, и тот дрогнул. Это была та же самая угроза, что он адресовал парнишке с мачете, но на этот раз словесная – на случай, если адресат пьян или не участвовал раньше в настоящих битвах и не может прочесть по лицу нежданного гостя, на что тот способен.

Дородный мужчина сел.

– Пожалуй, и тебе стоит присесть, Гил, – мягко предложил Миляга. – Мы в Луговинах стоя не едим. Это считается невежливым.

Рингил дочиста вылизал пальцы.

– Ага, я в курсе. – Он окинул собравшихся внимательным взглядом. – Кто-нибудь уступит мне место?

Милакар кивнул ближайшей шлюхе, на расстоянии одного гостя от его большого кресла во главе стола. Женщина поднялась – проворно, но без лишней суеты и не говоря ни слова. Изычно отступила к одному из занавешенных окон в алькове и замерла там, спокойно сложив руки на бедре и чуть развернувшись, чтобы остальные присутствующие видели ее окутанную муслином фигуру.

Обойдя стол и остановившись у освобожденного места, Рингил кивнул женщине у окна и сел на ее стул. Бархатистый плюш хранил тепло ее зада, он ощущал через ткань штанов эхо нежеланной близости. Соседи по обе стороны от него демонстративно отводили глаза. Рингил сдержал желание поерзать.

«Ты камнем лежал в собственной моче шесть часов на побережье Раджала, изображая труп, пока Чешуйчатые обнюхивали волноломы вдоль и поперек со своими пеонами, ища выживших. Ты сможешь высидеть полчаса в тепле шлюхи, не дергаясь. Сумеешь вести вежливые разговоры, как принято в Луговинах, с собравшимися тут великими и милосердными трелейнцами».

Миляга Милакар поднял кубок.

– Что ж, тост. За одного из самых героических сынов города, который не спешил возвращаться, и все-таки он здесь.

Короткая пауза, затем что-то вроде бурчащей волны ответов прокатилось вдоль стола. Каждый гость поспешно утопил лицо в кубке. Рингил вдруг понял, что они немного похожи на свиней у корыта. Покончив с тостом, Милакар перегнулся через ближайшего гостя, так что лицо оказалось менее чем в футе от Рингила. Его дыхание было сладким от вина.

– И вот теперь, когда спектакль завершился, – вежливо проговорил он, – может, ты поведаешь мне, что тебе нужно, Гил.

Морщинки в уголках светлых глаз выражали невольное любопытство. Между аккуратно подстриженными усиками и бородкой изогнулся в усмешке большой, выразительный рот – напряженные в предвкушении страсти губы чуть открывали край зубов. Рингил вспомнил этот взгляд и почувствовал, как что-то под сердцем трепыхнулось.

Милакар облысел – или почти облысел, – как и предсказывал. И обрился, оставив на голове лишь щетину, как обещал.

– Пришел тебя повидать, Миляга, – сказал Рингил, и это была почти вся правда.

* * *

– Повидать меня, да? – пробормотал Милакар позже, когда они лежали в комнате наверху, в большой кровати с шелковыми простынями, измотанные, испачканные, друг у друга на бедрах. Он чуть приподнялся, ухватил Рингила за волосы на затылке и с притворной жестокостью снова подтащил его лицом к своему обмякшему паху. – Ну еще бы. Ты лживый мешок высокородного дерьма, каким всегда был, Гил. – Он напряг пальцы, больно потянув за волосы. – Такой же, каким впервые пришел ко мне пятнадцать гребаных лет назад, мальчишка-Эскиат.

– Шестнадцать. – Рингил перехватил руку, сжимавшую затылок, сплел свои пальцы с пальцами Миляги и поднес тыльную сторону его ладони к губам. Поцеловал. – Это мне было пятнадцать. А случилось все шестнадцать гребаных лет назад. И не называй меня так.

– Как? Мальчишкой?

– Эскиатом. Ты же знаешь, мне это не нравится.

Милакар высвободил руку, чуть приподнялся на локтях и взглянул на свернувшегося поперек него молодого человека.

– Это ведь и имя твоей матери.

– Она знала, для чего выходит замуж. – Рингил не поднял лица от влажного тепла паха Милакара, а его пустой взгляд был устремлен в полумрак возле двери спальни. – Она сделала выбор. Мне такой чести не досталось.

– Не уверен, что это был ее выбор, Гил. Столько ей исполнилось, когда ее выдали за Гингрена – двенадцать?

– Тринадцать.

Ненадолго стало тихо. Тот же приглушенный свет Ленты, что и в столовой, здесь лился в окна, ничем не сдерживаемый, и ледяным потоком ложился на ковер на полу от самого широкого балкона, выходящего на реку. Створки были открыты, занавески колыхались, словно вялые призраки, и двух мужчин обдувал прохладный осенний ветерок – он был совсем не таким зубастым и холодным, как в предгорьях, у Виселичных Вод, но обещал стать таким же. Зима найдет его и здесь. Рингил покрылся гусиной кожей, волосы на его руках встали дыбом. Он пошевелился, вдохнул острый, дымный запах Миляги, и это словно наркотик перенесло его на полтора десятка лет назад. Бурные ночи с вином и фландрейном в доме Милакара на улице Ценной кладки в складском районе; аккуратное погружение в распутство, трепет от смутного желания исполнять волю Миляги, будь то в постели или за ее пределами. Он отправлялся в доки с боевитыми громилами выбивать долги или крался по улицам Луговин и районов выше по течению, доставляя товар. Время от времени за ним гонялась Стража, когда кого-то ловили после доноса, были стычки в темных переулках или притонах, а иногда приходилось махать мечом или убить кого-нибудь, но все это, включая драки, было таким ярким и таким, мать его, забавным, что в то время молодой отпрыск Дома Эскиат не осознавал, какая опасность ему угрожает.

– Ну, так скажи, зачем ты на самом деле явился, – мягко попросил Миляга.

Рингил перекатился на спину, положил голову и шею на живот Милакару. Мышцы были все еще на месте, крепкие под скромным слоем жирка – приметы среднего возраста. Они почти не дрогнули, приняв вес его вспотевшей головы. Рингил рассеянно взглянул на сцены оргий, нарисованные на потолке. Два конюха и служанка вытворяли нечто немыслимое с кентавром. Глядя на их безупречный пасторальный мирок, он уныло вздохнул и с тоской признался:

– Подрядился помочь семье. Надо найти кое-кого. Мою кузину, которая ввязалась в неприятности.

– По-твоему, я теперь вращаюсь в тех же кругах, что и клан Эскиат. – «Подушка» Рингила содрогнулась от смеха Милакара. – Гил, ты серьезно переоценил мою роль в нынешнем раскладе. Я преступник, не забывай об этом.

– Ага, я заметил, как ты держишься за старое. Живешь в охуительно большом доме в Луговинах, ужинаешь с Болотным братством и прочими почтенными личностями.

– Домик на улице Ценной кладки все еще мой, если тебе от этого полегчает. И если ты вдруг забыл, напомню: моя семья из Братства. – В голосе Миляги теперь чувствовалось легкое напряжение. – Мой отец до войны возглавлял следопытов.

– Ага, а твой пра-пра, пра-пра, пра- и так далее дед основал этот долбаный Трел-а-Лахейн. Я это уже слышал, Миляга. Правда, как ни крути, в том, что пятнадцать лет назад ты бы не принимал под своей крышей того болвана с дуэльным прибабасом на поясе. И не жил здесь, так высоко по течению.

Мышцы у него под головой немного напряглись.

– Ты разочаровался во мне? – тихо спросил Милакар.

Рингил опять уставился на потолок. Пожал плечами.

– После пятьдесят пятого все накрылось медным тазом, и нам всем пришлось выкручиваться. Почему с тобой должно быть иначе?

– Какой ты добрый.

– Ага. – Рингил поднялся и немного повернулся, чтобы оказаться лицом к Миляге, который остался лежать. Сел, скрестив ноги, положил руки на колени. Тряхнул головой, убирая волосы с лица. – Итак. Ты поможешь мне с поисками кузины?

Милакар с готовностью кивнул.

– Конечно. Что у нее за неприятности?

– Угодила в цепи. Насколько мне удалось выяснить, примерно четыре недели назад ее отправили на аукцион в Эттеркаль.

– В Эттеркаль? – Выражение «сейчас мы тебе поможем» исчезло с лица Милакара. – Ее продали законно?

– Ага, в счет просроченной ссуды. Канцелярия разрешила провести аукцион. Покупателям из Соленого Лабиринта она понравилась, и ее, похоже, в тот же день заковали и отправили куда-то вместе с остальными рабами. Но в бумагах путаница – или они потерялись, или я подкупил не тех чиновников. У меня есть ее карандашный набросок, я всем его показываю, но никто не желает ее узнавать, и я не могу найти никого, кто согласился бы поговорить со мной о происходящем в Эттеркале. Мне надоедает быть вежливым.

– Да, я это заметил. – Миляга покачал головой, сбитый с толку. – Какого хрена дочь клана Эскиат занесло аж в самый Лабиринт?

– На самом деле она не из Эскиатов. Как я уже сказал, кузина. Из семьи Херлириг.

– А-а. Значит, болотная кровь.

– Да, и замуж она вышла тоже неправильно, с точки зрения Эскиатов. – Рингил услышал в собственном голосе нотку яростного отвращения, но решил их не подавлять. – За торговца. Клан Эскиат не знал, в какую передрагу она попала, но, по правде говоря, я не думаю, что в противном случае они бы хоть пальцем пошевелили.

– Хм-м. – Милакар смотрел на собственные руки. – Эттеркаль.

– Точно. Кроме прочих, твои старые друзья Снарл и Финдрич.

– Хм-м...

Рингил взглянул на него, склонив голову набок.

– Что такое? Внезапные проблемы?

Молчание затягивалось. Где-то внизу кто-то наливал воду в большой сосуд. Милакар будто прислушивался к этому звуку.

– Миляга?

Мужчина встретился с ним взглядом, и его губы изогнулись в неуверенном подобии улыбки. Это было выражение, не знакомое Рингилу.

– Многое изменилось с той поры, как ты уехал, Гил.

– Да что ты говоришь.

– Включая Эттеркаль. Солёный Лабиринт после Либерализации превратился в совсем другое место, ты его не узнаешь. Я хочу сказать, все понимали, что работорговля начнет развиваться, это было очевидно. Поппи об этом все время говорила, Финдрич тоже, если его удавалось разговорить. – Слова вылетали из рта Милакара со странной поспешностью, будто Миляга боялся, что его прервут. – Ты не поверишь, какое это теперь серьезное дело, Гил. Я хочу сказать, там крутятся по-настоящему большие деньги. Больше, чем когда-либо давала торговля фландрейном или кринзанцем.

– Ты как будто завидуешь.

Улыбка вспыхнула и тут же погасла.

– На такие деньги можно купить защиту, Гил. Нельзя просто так попасть в Эттеркаль и силой добиться своего, как мы делали в прежние времена, когда там были сутенеры с их уличными делишками.

– Да что ж такое, ты опять меня разочаровываешь, – беззаботным тоном произнес Рингил, пряча растущее беспокойство. – Помню, раньше в Трелейне не было улицы, по которой ты не смог бы прогуляться.

– Я же сказал – все изменилось.

– Помнишь, нас пытались не пустить на регату воздушных шаров в Луговинах? «Мои предки построили этот драный город, и зря кто-то вообразил себе, что я буду сидеть в трущобах, испугавшись драчунов в мундирах с шелковыми кушаками». – Цитируя Милакара прошлых лет, он избавился от легкомысленного тона. – Помнишь?

– Слушай...

– Ну, разумеется, теперь ты сам живешь в Луговинах.

– Гил, я же тебе сказал...

– Все изменилось, ага. Я и в первый раз тебя расслышал.

Больше он не мог скрывать сочащееся чувство утраты, новой, мать ее, утраты, которая влилась в вековечный водоворот предательства, сжирающий год за годом его сраной жизни и оставляющий отчетливый горький привкус на языке, будто Милакар кончил ему в рот польню в те последние мгновения, напряженные и пульсирующие. Удовольствие обернулось утратой, похоть – сожалением, и внезапно на первый план вылезла та же тошнотворная спираль гребаных угрызений совести, которую втюхивали жрецы в храмах, и самодовольные учителя, и борцы за чистоту родословной, и Гингрэн со своими нотациями, и в академии с ее стерильной мужественностью и ритуалами посвящения для новичков, и прочая лживая херня, которую ему преподносили с напыщенным видом люди, облаченные в рясу или мундир, и...

Рингил вскочил с кровати, будто увидел среди простыней скорпионов. Последние остатки приятных воспоминаний испарялись, как дым. Он уставился на Милакара сверху вниз и внезапно ощутил острое желание смыть с себя чужой запах.

– Я иду домой, – тусклым голосом произнес он и принялся рыскать по комнате, собирая с пола одежду.

– С ними двенда, Гил.

Бриджи, рубашка, скомканные рейтузы.

– Да-да, конечно.

Милакар наблюдал за ним некоторое время, потом внезапно прыгнул с кровати прямоком на спину, как ихельтетский боевой кот. Обхватил руками, навалился всем телом, стремясь перевернуть, и они прижались друг к другу, как бойцы на арене. Ревущее эхо танца обнажен-

ной плоти, который оба уже исполнили на кровати. Острый запах Миляги и пыхтение сильного уличного бойца.

В другой раз это могло бы затянуться. Но разум Рингила еще бурлил от гнева, досада вынудила мышцы напрячься, а закаленные и отточенные годами войны рефлексy нащептали голосами сирен, как поступить. Он разбил захват Милакара со свирепостью, о которой успел забыть, и ответил ударом по-ихельтетски, так что противник свалился на пол, точно безвольная кукла. Рингил приземлился на него, придавил. Из легких Милакара со свистом вырвался весь воздух, яростное бойцовское пыхтение прекратилось. Рингил закончил, ткнув одним большим пальцем Миляге в рот, а другой прижав в дюйме от его левого глаза.

– А вот подлостей не надо, – прошипел он. – Я не мальчишка с мачете и прикончу тебя. Милакар кашлял и барахтался под ним.

– Пошел ты! Я помочь хочу. Послушай: в Эттеркале двенда!

Их взгляды встретились. Секунды растянулись.

– Двенда?

Глаза Милакара сказали «да» – по крайней мере, он в это верил.

– Ты хочешь сказать, гребаный олдрейн? – Рингил вытащил палец из-за щеки Милакара. – Самый натуральный, Хойран свидетель, Исчезающий – прямо здесь, в Трелейне?

– Да. Это я и пытаюсь тебе сказать.

Рингил слез с него.

– Ты несешь ахинею.

– Спасибо.

– Ну, или так, или ты переусердствовал, куда курил собственный запас.

– Я все видел собственными глазами, Гил.

– Их не просто назвали Исчезающими, Миляга. Этого народа больше нет. Даже кириаты их помнят только по легендам.

– Да. – Милакар поднялся. – А до войны никто не верил в драконов.

– Это не одно и то же.

– Тогда объясни мне одну вещь. – Миляга протопал через спальню к вешалке, где висели роскошные кимоно в имперском стиле.

– Что объяснить? Какой-то мошенник-альбинос, актеришка, не пожалел теней для глаз, и вы принялись мастерить охранные амулеты да прятаться по углам, как орава маджакских пастухов во время грозы.

– Нет. – Милакар нервно натянул шелковый халат сливового цвета, затянул и завязал пояс на талии. – Объясни, как получилось, что Болотное братство отправило в Эттеркаль трех лучших шпионов – опытных ребят, которых знал в лицо только мастер их шпионской логи, и лишь ему было известно, каким ремеслом они занимаются, – а через неделю вернулись одни их головы.

Рингил развел руками.

– Значит, осведомители у белокожего ублюдка лучше твоих, и он отлично владеет клинком.

– Ты не понял, Гил. – На лице Миляги опять появилась неуверенная улыбка. – Я не говорил, что шпионы были мертвы. Я сказал, что вернулись одни их головы. Каждая была еще живой и каким-то образом приделана к семидюймовому пеньку.

Рингил вытаращил глаза на Милакара.

– То-то и оно. Объясни, как это случилось.

– Ты это видел?

Напряженный кивок.

– На собрании логи. Туда принесли одну голову. Сунули корнями в воду, и через пару минут хреновина открыла глаза и узнала мастера логи. Было видно по лицу. Она открыла рот,

попыталась заговорить, но горла-то нет, связок тоже, так что слышно было лишь пощелкивание, и губы шевелились, язык высовывался, а потом оно начало рыдать, и слезы катились по щекам. – Милакар заметно сглотнул. – Минут через пять они вытащили эту штуку из воды, и она затихла. Сперва слезы перестали литься, будто пересохли, а потом вся голова замедлилась и перестала двигаться, как старик, умирающий в постели. Только она, мать ее, не умерла. Когда ее снова сунули в воду... – Он беспомощно взмахнул рукой. – Все повторилось.

Рингил встал, обнаженный, и свет Ленты сквозь открытые балконные окна внезапно показался ему холодным. Он повернулся и выглянул в ночь снаружи, будто из-за створок доносился какой-то призыв.

– Крин есть?

Милакар кивком указал на туалетный столик в противоположном углу.

– Конечно. Верхний левый ящик, я свернул пару косяков. Утощайся.

Рингил подошел к столику и выдвинул маленький деревянный ящик. На дне перекатывались три желтоватые самокрутки из листьев. Он взял одну, вернулся к кровати и наклонился над лампой на тумбочке, чтобы зажечь косяк от фитиля. Хлопья кринзанца внутри цилиндрика потрескивали, загораясь, кислый запах щекотал ноздри. Он затаился, впустил давно знакомый аромат в легкие. По телу пробежала волна жара, озноб утих. От наркотика в голове проснулось ледяное пламя. Он снова посмотрел на балкон, вздохнул и вышел туда, по-прежнему голый, оставляя за собой дымный след.

Через пару секунд Миляга последовал за ним.

Перед ними до самой воды простирались крыши Луговин. Среди деревьев мерцали огоньки особняков, похожих на жилище Милакара и прячущихся среди садов, а между ними вились утыканные фонарями улочки, которые столетия назад были тропинками через болота. На западе устье реки изгибалось, старые порттовые здания на другом берегу снесли, освобождая место для декоративных парков и дорогих храмов, возведенных в знак благодарности богам Наома.

Рингил, облокотившись о балюстраду, сдержал ухмылку и попытался не врать самому себе о переменах. В Луговинах с самого начала водились деньги. Но в прежние времена здешние жители не были такими самодовольными: обитатели клановых домов каждый день видели приносящий им богатство порт на другом берегу, прямо перед собой. Теперь из-за войны и ее последствий причалы и доки переместились вниз по течению, скрылись из вида, и единственными строениями, воздвигнутыми вдоль русла реки, были храмы – массивное каменное эхо обновленного благочестия кланов и их веры в то, что они достойны править.

Рингилдохнул на все это едким дымом. Почувствовал, не оборачиваясь, что Милакар стоит сзади. Рассеянно проговорил:

– Миляга, тебя арестуют за потолок.

– В этой части города – нет. – Милакар встал рядом у балюстрады, вдохнул воздух ночных Луговин, словно аромат духов. – Комитет не навещает здешних жителей. Ты это знаешь.

– Выходит, кое-что не изменилось.

– То, что в центре всеобщего внимания – нет, не изменилось.

– Ага, я видел клетки, когда приехал. – Внезапное, леденящее душу воспоминание, в котором он не нуждался и думал, что оно надежно похоронено, – пока позавчера карета матери не проехала с грохотом через мост-дамбу у Восточных ворот. – В Канцелярии по-прежнему хозяйничает Каад?

– В этом смысле – да. И молодеет день ото дня. Ты когда-нибудь такое замечал? Как власть кого-то питает, а кого-то высасывает досуха? Мурмин Каад явно из первых.

* * *

В Палате Слушаний с Джелима снимают кандалы и связывают ему руки, а потом хватают и заставляют встать, хоть он и извивается всем телом. Он тяжело дышит, не в силах поверить в происходящее, выкашливает низкие, невнятные возгласы отрицания, пока зачитывают приговор. От бесконечной сбивчивой мольбы зрители на галерее покрываются гусиной кожей, у них потеют ладони, по рукам и ногам бегают мурашки, а теплая одежда будто перестает защищать от холода.

Рингил сидит между Гингреном и Ишиль, как замороженный.

Когда глаза осужденного парнишки вспыхивают и начинают дико вращаться в орбитах, словно у паникующей лошади, когда его взгляд цепляется за лица собравшихся наверху достопочтенных зрителей, будто он ждет спасителя из сказки, который каким-то образом сюда пробрался, внезапно он вместо этого видит Рингила. Они смотрят друг на друга, и Рингилу кажется, что его ударили кинжалом. Вопреки всем шансам, Джелим высвобождает руку и обвинительным жестом указывает в его сторону, вопит: «Это был он, прошу, заберите его, я не хотел, это был он, ЭТО БЫЛ ОН, ЗАБЕРИТЕ ЕГО, ЭТО БЫЛ ОН, ОН, НЕ Я...»

Его утаскивают прочь, и раздается долгий, жуткий крик, который, как всем собравшимся известно, знаменует лишь начало, самое малое из граничащих с экстазом мучений, которые ему предстоит перенести в клетке завтра.

А внизу в палате, на возвышении для судей, Мурмин Каад, который до сих пор с бесстрастным видом надзирал за процессом, поднимает голову и тоже смотрит Рингилу в глаза.

И улыбается.

* * *

– Ублюдок. – Безразличный тон подвел, голос чуть дрогнул. Рингил затянулся, черпая уверенность в крине. – Следовало убить его в пятьдесят третьем, когда была возможность.

Краем глаза он заметил взгляд Миляги.

– Что такое?

– Ах, прекрасная юность, – ласково проговорил Милакар. – Ты правда думаешь, это было бы легко?

– А почему нет? Тем летом здесь царил хаос, повсюду кишели солдаты, клинки так и сверкали. Кто бы понял?

– Гил, его бы просто заменили на кого-то другого. Может, еще хуже.

– Хуже? Кто, мать твою, может быть хуже?!

Рингил подумал о клетках – о том, что он, в конце концов, не смог выглянуть из окна и посмотреть на них, когда ехал мимо. Об испытующем взгляде Ишиль, который заметил, отвернувшись от окна, и о том, что не смог посмотреть ей в глаза. О теплой волне благодарности, которую ощутил, когда грохот и дребезжание кареты заглушили любые звуки, какие могли бы достичь его ушей. Он понял, что ошибся. Время, проведенное вдали от города, погребенным в тени Виселичного Пролома и связанных с ним воспоминаний, не закалило его, как он надеялся. Он по-прежнему был не готов к таким вещам – остался мягким, как брюшко, которое отрастил.

Милакар вздохнул.

– Комитет по защите общественной морали свой яд берет не у Каада, и никогда не брал. В сердцах людей слишком много ненависти. Ты был на войне, Гил, и должен понимать это лучше других. Это как солнечный жар. Люди вроде Каада – просто центральные фигуры, сродни лин-

зам, которые собирают лучи и направляют на щепки. Ты можешь разбить линзу, но погасить солнце не сумеешь.

– Верно. И все же разжечь следующий костер будет сложнее.

– Это ненадолго. До следующей линзы или засушливого лета – и пожары начнутся опять.

– К старости заделался фаталистом, да? – Рингил кивком указал на огни особняков вокруг. – Или так бывает после переезда вверх по реке?

– Нет. Дело в том, что с возрастом учишься ценить время, которое тебе осталось. Надо прожить достаточно долго, чтобы распознать ошибочность священного похода, когда тебя призывают в нем участвовать. Клянусь зубами Хойрана, Гил, ты – последний человек, которому я должен это говорить. Неужели забыл, как они поступили с твоей победой?

Рингил улыбнулся и почувствовал, как улыбка растекается по лицу, словно пролитая кровь. По привычке напрягся в ответ на застарелую боль.

– Это не священный поход, Миляга. Просто подонки-работорговцы, которые заграба-стали не ту девушку. Мне нужен лишь список имен, вероятных посредников в Эттеркале, чтобы я его проверил и нашел слабое звено.

– А двенда? – сердито возразил Милакар. – Колдовство?

– Я уже сталкивался с колдовством. Оно ни разу не помешало мне убивать тех, кто вставал на моем пути.

– Этого ты не видел.

– Ну, тем интереснее жить, разве нет? Новый опыт и все такое. – Рингил затянулся поглубже. Яркий огонек на конце кринового косяка озарил его лицо и придал блеск глазам. Он выпустил дым и опять бросил взгляд на Милягу. – Ты вообще видел эту тварь?

Милакар сглотнул.

– Нет. Лично я не видел. Говорят, он держится особняком, даже в Лабиринте. Но есть те, кто с ним встречался.

– Или они так говорят.

– Этим людям я верю на слово.

– Что же поведали сии достойные персоны о нашем олдрейнском друге? Что глаза у него как черные ямы? Уши точно у зверя? По телу бегают молнии?

– Нет. Они говорят, что... – Опять неуверенная пауза. Голос Милакара сделался очень тихим. – Он красив, Гил. Вот, что они говорят. Что он неописуемо прекрасен.

Лишь на миг по спине Рингила пробежал холодок. Он стряхнул это чувство, расправив плечи. Щелчком выбросил в ночной сад окурок и проследил взглядом за красным огоньком.

– Что ж, красоту я тоже видел, – проговорил он мрачно. – И она ни разу не помешала мне убивать тех, кто вставал на моем пути.

Глава 6

К тому времени, когда они вернулись на стоянку, небо над степью затянуло мглистые тучи.

Известие о нападении долгобегов достигло шатров быстрее, чем выжившие; среди выехавших в ночное пастухов, что ехали им навстречу, оказался двоюродный брат Руни, который помчался назад, чтобы сообщить о случившемся остальной родне. Эгар шел пешком, ведя своего коня с трупом Руни, переброшенным через седло, а Кларн ехал на почтительном расстоянии, бдительный точно ворон. Когда они достигли лагеря скаранаков, повсюду горели факелы, и собрался почти весь клан во главе с семьей Руни. Даже Полтар пришел, этот сухопарый шаман с бритым черепом; его прихвостни стояли поодаль от сборища, держа в руках принадлежности для священной церемонии. Ожидающие вели приглушенные разговоры, но все затихло, увидев своего окровавленного вождя, который завел коня в круг света от факелов.

Степные упыри отчаянно сражались за жизнь. Их отметины покрывали Драконью Погибель с головы до ног.

Эгар опустил голову, чтобы не смотреть в глаза Нарме и Джуралу. Ни мать, ни отец Руни не желали, чтобы их сын поехал со стадом так рано, но на совете Эгар не стал возражать, поскольку Руни уже вошел в возраст. Он был подающим надежды, увлеченным парнишкой, и с животными ладил с той поры, как научился ходить.

«И, конечно, что угодно было предпочтительнее, чем если бы он слонялся по окрестностям с другими сыновьями скаранакских скотоводов, у которых буйволов в избытке, хлестал рисовое вино и вопил бесхитростные грубости в адрес каждой бабы. Ведь так, вождь? Пусть лучше молодой Руни возьмет себя в руки и покажет, на что способен».

Эгар снял со спины коня кое-как привязанный, уже остывающий труп с жуткой раной на животе. Драконья Погибель взял свою ношу в обе руки и поморщился, когда тяжесть привалилась к порезам на груди и плечах. На непослушных ногах он медленно понес Руни к его родителям.

Нарма разрыдалась и так рухнула на открытое лицо сына, что Эгар едва удержал его тело в руках. Он попытался не шататься. Джурал отвернулся, пряча слезы во тьме, чтобы не опозориться перед кланом.

В такие моменты Драконья Погибель от души жалел, что вернулся с юга и согласился принять накидку вождя, чтоб ей пусто было.

– Он умер как воин. – Эгар ровным голосом произнес ритуальную фразу, внутренне сыпя ругательствами от того, насколько по-дурацки это звучало. «Шестнадцать лет мальчишке, твою ж мать». Если бы у него было время стать воином, может, он и пережил бы это нападение. – Имя его будет именем защитника клана в наших сердцах, отныне и вовек. – Помедлив, он пробормотал еле слышно: – Прости, Нарма.

Ее стенания сделались чуть громче. В этот миг шаман Полтар счел необходимым вступить, действуя в строгом соответствии с ролью.

– Успокойся, женщина. Разве Небожители удостоят милости воина, о котором столько бабского шума? Прямо сейчас он смотрит на тебя с Небесной Дороги к предкам, и ему стыдно перед ними за этот гвалт. Ступай прочь и зажги для него свечи, как полагается матери.

Что случилось потом, никто толком не понял, а Эгар и подавно. Нарма, похоже, не собиралась отпускать труп Руни. Полтар шагнул и попытался переубедить ее грубой силой. Произошла короткая потасовка, плач усилился, и раздался сухой треск пощечины. Труп Руни выпал из рук Эгара и с глухим стуком ударился головой о землю. Нарма начала кричать на шамана, и тот ударил ее, не сдерживаясь. Она упала на тело сына, будто хворост из плохо затянутой вязанки. Эгар, снедаемый угрызениями совести и гневом, не нашедшим применения, развер-

нулся и врезал шаману, собрав до последней крупинки всю силу, что оставалась в правой руке. От соприкосновения с кулаком Драконьей Погибели Полтар пролетел добрых пять футов спиной вперед и грохнулся на землю.

У очевидцев, которые не сразу осознали, что случилось, перехватило дыхание.

Один из приспешников шагнул к Эгару, но опомнился, когда увидел выражение окровавленного лица Драконьей Погибели. Три других поспешили на помощь Полтару, усадили его. Толпа беспокойно забормотала, словно у каждого на языке змеилось слово, которое он не смел произнести. Шаман сплюнул кровью и сказал его, один за всех:

– Святотатство!

– Ох, я тебя умоляю... – протянул Эгар с беспечностью, которой не чувствовал. Потому что Полтар, мать его, становился проблемой.

Если в степях и существовала сила, которую маджаки признавали равной собственной общей крутости, это была переменчивая, полная треска и блеска молний мощь Небожителей. Обитатели небес отличались от бога южан с его дотошным, опирающимся на архивы империализмом. Они были завистливыми, капризными и непредсказуемо яростными, и у них не было времени на такие чиновничьи, продуманные меры – они сообразно прихотям насылали бури или чуму, чтобы напомнить маджакам об их месте в мироустройстве, натравливали людей друг на друга ради забавы, а потом играли в кости, чтобы решить, кому жить, а кому – умереть. Короче говоря, вели себя очень похоже на праздных и могущественных смертных, а шаман являлся их единственным уполномоченным посланником под сенью небес. Оскорбить шамана значило оскорбить Небожителей. Считалось, что оскорбитель рано или поздно должен с лихвой расплатиться.

И вот теперь старший из приспешников подхватил призыв шамана, размахивая призывным жезлом и крича собравшимся скаранакам:

– Святотатство! Совершено святотатство! Кто искупит грех?

– Ты и искупишь, мать твою, если не захлопнешь пасть. – Эгар решительно направился к говорившему, намереваясь пресечь бунт в зародыше. Приспешник не дрогнул, в его широко распахнутых глазах светились страх и безумная вера.

– Уранн Серый тебя...

Эгар схватил его за горло.

– Я кому сказал, захлопни пасть! Где был Уранн Серый, когда я в нем нуждался там, в степи? Где был Уранн, когда этому мальчику потребовалась его помощь? – Он окинул взглядом испуганные лица, озаренные светом факелов, и впервые в жизни испытал всепоглощающее презрение к собственному народу. Его голос стал громче. – Где ваш гребаный Уранн всякий раз, когда он нам нужен, а? Где он был, когда долгобеги отняли у тебя брата? Когда волки выкрали твою дочь из колыбели, Инмат? Где он был, когда пришла огневица, и дым от погребальных костров подымался на горизонте отсюда до самого Ишлин-ичана? Где был этот серый говнюк, когда умер мой отец?!

Тут Полтар встал и снова оказался с ним лицом к лицу.

– Ты говоришь, как дитя, – произнес он негромким, мертвенным голосом, который, тем не менее, услышали все собравшиеся. Шаман был полностью в роли – что ж, свое ремесло он знал назубок. – Время, проведенное на юге, отвратило тебя от наших помыслов, и теперь ты своим святотатством навлечешь беду на скаранаков. Ты больше не можешь быть вождем клана. Серый Владыка поведал об этом посредством смерти мальчишки.

Толпа зашумела, но, судя по звукам, скаранаки были сбиты с толку. Многие из них уделяли мало внимания Полтару и праздному образу жизни, который он вел благодаря своему статусу. Эгар был не единственным циником в степях и не единственным воином-скаранаком, который отправился на юг и вернулся с более обширными представлениями о том, как устроен мир. Трое или четверо из его компаньонов-скотоводов сами успели побывать капита-

нами наемников в Ихельтете, а один из них, Марнак, сражался бок о бок с Драконьей Погибелью при Виселичном Проломе. Он был старше Эгара, по меньшей мере, на десять лет, но еще мог становиться проворным, словно кнут, а в выражении преданности не дрогнул бы перед призывами шамана. Эгар заметил его мрачное, обветренное лицо в свете факелов – бдительный взгляд и готовность обнажить сталь. Марнак поймал взгляд вождя и кивнул один раз. От благодарности у Эгара защипало в глазах.

Но были и другие.

Слабые и глупые, коих собрались десятки, сбились в кучу среди соплеменников, страшась холодной ночи за пределами света факелов и всего, что таилось в ней. Страшась почти в той же степени всего нового, что могло пошатнуть мировоззрение, обрамленное огромными пустыми небесами и неизменным степным горизонтом. Эгар смотрел на них, и они отворачивались – так он понимал, с кем имеет дело.

За этими никчемными скаранаками, питаясь их страхами и играя на них, стояли жадные и состоятельные, чья ненависть к переменам проистекала из более прозаичных опасений, что они пошатнут старый порядок, а с ним – их привилегированную позицию в клане. Эти люди встретили геройское возвращение Драконьей Погибели не с радостью, но с холодным недоверием и пронизательными догадками по части прав владения стадом и иерархии в клане. И он со стыдом был вынужден признать, что среди них, по меньшей мере, двое его братьев.

Для всех этих людей шаман Полтар и его закоснелые верования воплощали все, на чем стояли маджаки, и это можно было утратить, если нарушится равновесие. Они не перейдут на сторону Эгара – в лучшем случае, не станут вмешиваться. А другие могли устроить и кое-что похуже.

Вдоль Ленты растянулись лохмотья облаков, словно изрезанные ее краем – серебряным светом, который проливался на равнину с юга. Эгар взглядом опытного командира окинул собравшихся, оценил их закипающее смятение и решил, что с этим пора кончать.

– Если Уранн Серый хочет мне что-то сказать, – громко провозгласил он, – пусть приходит и говорит лично. Для этого ему не нужен никчемный стервятник, слишком ленивый, чтобы добывать свое мясо самому, как подобает мужчине. Вот он я, Полтар. – Эгар раскинул руки. – Призови его. Вызови Уранна сюда. Если я совершил святотатство, пусть небеса разверзнутся, и он поразит меня на месте, прямо сейчас. Если этого не случится, мы пойдем, что ты не можешь ничего ему нашептать, верно?

Тут и там раздались взволнованные вздохи, но это были звуки, какие издает толпа зрителей уличного цирка, а не разгневанных верующих. Шаман сверлил его ядовитым взглядом, но рта не открыл. Эгар утаил свирепую ярость.

«Так тебе, ублюдок!»

Полтар оказался в ловушке. Шаман не хуже Эгара знал, что Небожители в последнее время были не склонны являться. Одни объясняли это тем, что они находятся в другом месте, другие – тем, что их уже нет. Нашлись и те, кто утверждал, будто их никогда не было. Истинные же причины, как выразился бы Рингил, «в высшей степени, мать их за ногу, несущественны». Если Полтар призовет Уранна, ничего не случится – и он выставит себя дураком, не говоря уже о том, что продемонстрирует бессилие. Тогда заигрывания Эгара со святотатством можно спокойно истолковать как воинскую доблесть перед лицом паршивого, старого, никчемного шарлатана.

– Ну что, шаман?

Полтар плотнее запахнул побитое молью одеяние из волчьих шкур и окинул толпу взглядом.

– У него на юге в башке все скисло, – сплюнул он. – Помяните мое слово, он навлечет на вас погибель, гнев Серого Владыки.

– Ступай в свою юрту, Полтар. – Скука в голосе Эгара была тщательно просчитанной, но неискренней. – И подумай там о надлежащем поведении. Потому что в следующий раз, когда ты позволишь себе распускать руки со скорбящим родителем, я перережу твою драную глотку и скормлю остальное стервятникам. Ты, – его рука взметнулась, указывая на старшего приспешника. – Что-то хотел сказать?

Приспешник уставился на него, кривясь от ярости, и проглотил слова, которые рвались из рта. Затем Полтар наклонился, что-то ему пробормотал, и приспешник успокоился. Шаман бросил еще один высокомерный взгляд на Драконью Погибель и ушел, грубо растолкав толпу, сопровождаемый четырьмя спутниками. Люди поворачивались и глядели ему вслед.

– Помогите семье павшего воина, – воскликнул Эгар, и все взгляды снова обратились к Нарме, которая по-прежнему плакала, согнувшись над телом мертвого сына. Женщины поспешили к ней, пытаясь успокоить мягкими прикосновениями и словами. Драконья Погибель кивнул Марнаку, и седой капитан приблизился.

– Это ты здорово устроил, – пробормотал Марнак. – Но кто будет руководить происходящим у погребального костра, если шаман останется в юрте обиженный?

Эгар пожал плечами.

– Если понадобится, пошлем к ишлинакам за заклинателем. В Ишлин-ичане мне кое-чем обязаны. А пока присматривай за этой юртой. Если он хотя бы трубку закурит, я хочу об этом знать.

Марнак кивнул и тихонько ушел прочь, предоставив Эгару возможность погрузиться в мрачные думы о будущем. Лишь одно Драконья Погибель знал наверняка.

Это не конец.

Глава 7

Рингил отправился домой в дурном настроении и с большими от крина глазами – в них словно песка насыпали.

Предраассветная палитра Луговин соответствовала его душевному состоянию: низко плывущий над рекой туман запутался в мучительно изогнутых черных силуэтах мангровых рощ; окна высоко стоящих особняков светились, точно фонари пришвартованных или выволоченных на берег кораблей. Из-за облаков выглядывала расплывчатая изогнутая Лента, чье ночное свечение потускнело и истерлось с приближением дня. Мощеная дорога у него под ногами лучилась бледным, нереальным светом, как и уходящие в сторону от нее улицы, что вились среди деревьев. Старая, потертая от времени картина. Он шел домой с уверенностью сомнамбулы, и воспоминания десятилетней давности совместились с увиденным за последние дни, после возвращения. По эту сторону реки почти ничего не изменилось – не считая, разумеется, Миляги, который ласково внедрился сюда, – и это легко могло быть любое утро его потраченной впустую юности.

«Но не забывай про ого-го какой меч у тебя за спиной, Гил. И про брюхо, которые ты отрастил».

Невзирая на размеры, Друг Воронов не был тяжелым оружием – часть удовольствия от кириатских клинков дарили легкие и гибкие сплавы, с которыми предпочитали работать их кузнецы, – но этим утром он висел, словно кусок мачты, к которой Рингила привязали во время шторма. Ему приходилось отупело тащить эту штуковину на спине, шаг за шагом приближаясь к берегу, где вряд ли удастся отдохнуть. «Многое изменилось с той поры, как ты уехал, Гил». От наркотика и надлома, увиденного в Миляге, он чувствовал себя обессиленным. И пустым. То, чем он раньше дорожил, исчезло, товарищей по плаванию унес шторм, и он уже знал, что туземцы не отличаются дружелюбием.

«Сзади кто-то есть».

Он медленно остановился, чувствуя, как осознание щекочет затылок.

Слева от тропы кто-то двигался, осторожно ступая между деревьями. Может, и не один. Рингил хмыкнул и размял пальцы правой руки. Крикнул в сырой, недвижимый воздух:

– У меня, мать твою, неподходящее настроение.

И тут же понял, что врет. Кровь побежала по венам, пульс внезапно ускорился и пришло резкое, радостное ощущение бодрости. Он сейчас с удовольствием бы кого-нибудь убил.

Опять шевеление; кем бы ни был «кто-то», он не испугался. Рингил развернулся, вскинул руку над головой и схватился за торчащую головку эфеса. Возле уха раздался скрежет – девять дюймов убийственной стали выдвинулись над плечом, прежде чем зажимы вдоль ножен раскрылись, как и было задумано. Клинок вышел целиком, боком. В предраассветном воздухе послышался холодный, чистый звон. Левая рука присоединилась к правой на длинной, потертой рукояти. Пустые ножны снова упали, слегка покачиваясь на ремнях, а Рингил замер, завершив поворот.

Ловкий трюк, полный кириатского изящества и позволяющий резко изменить расстановку сил, застигнув врасплох нападающих, что и случалось чаще, чем он мог вспомнить, не напрягаясь. Все это было частью мистического ореола Друга Воронов, на который он купился, принимая у Грашгала подарок. Более того, так клинок оказывался в позиции для верхней защиты, и любой мог понять, что это за оружие, поблескивающее синевой. Дальше атакующему оставалось принять решение, действительно ли ему охота связываться с владельцем кириатского меча. За последние десять лет больше дюжины нападений закончились ничем, стоило высвободить синеватое лезвие. Рингил уставился вдоль тропы в ту сторону, откуда пришел, по-волчьи надеясь, что на этот раз все будет иначе.

Ничего.

Он бросил короткие взгляды на листву по обе стороны дороги, измерил углы и доступное пространство, а потом принял более привычную защитную стойку с мечом вперед. Друг Воронов рассек воздух, описывая геометрию изменения, издав тихий свист.

– Да-да! – крикнул Рингил. – Кириатская сталь. Душу твою заберет.

В ответ среди деревьев будто послышался мелодичный тихий смех. Накатило новое ощущение, словно задней стороны шеи коснулся холодный воротник. Будто все вокруг внезапно лишилось земного контекста, как если бы он исчез, выпал из привычной среды. Расстояние объявило о себе, холодное, точно пустота меж звезд, и раздвинуло окружающее пространство. Деревья стояли с видом очевидцев. Речной туман полз и извивался как живой.

Рингила затопило волной раздраженной ярости, озноб прошел.

– Я страдать херней не собираюсь. Хочешь меня грабануть – давай приступим. Солнце восходит, и дряни вроде тебя пора в постельку или могилу.

Справа от него что-то взвизгнуло и ломанулось через кусты. Повернувшись на звук, он успел заметить чьи-то конечности и по-обезьяньи припадающую к земле фигуру, которая удирала прочь, двигаясь боком. За нею шевельнулось еще что-то – похожая фигура. Кажется, мелькнул короткий клинок, но Рингил сомневался: перед рассветом все выглядело каким-то свинцовым.

Опять раздался смех.

На этот раз он будто слетел на Рингила и ласково пронесся мимо уха. Он это почувствовал и вздрогнул от почти ощутимого прикосновения, полуобернулся, высматривая противника...

И все исчезло, целиком, будто солнце выглянуло из-за туч. Он молча ждал, что оно вернется, выставив перед собой неподвижный клинок. Но кем бы ни был его противник, похоже, он утратил интерес к Рингилу. Две неуклюжие, похожие на людей фигуры не вернулись. В конце концов Рингил, чье напряжение и так слабело, сдался и вышел из защитной стойки, аккуратно перехватил ножны на спине и вложил в них Друга Воронов, который не пришлось пустить в дело. В последний раз оглядевшись по сторонам, он продолжил путь, теперь ступая легче: он словно очистился и теперь внутри все слабо гудело от неиспользованного боевого возбуждения. Воспоминание о смехе он утопил в глубинах памяти – там, где его не пришлось бы снова подвергать пристальному изучению.

«Это все гребаный кринзанц».

Когда Рингил добрался до особняка Эскиатов, все вокруг окрасилось в серые тона, а небо над рекой прояснилось. От света щипало глаза. Он заглянул через массивные железные прутья главных ворот, странным образом ощущая себя жалким призраком, который цепляется за сцены земного существования, куда ему нет возврата. Ворота были опутаны цепями и оканчивались длинными пиками, которые – он проверял в молодости, – было не так просто одолеть. В такую рань ничто не шевелилось; не считая слуг, все спали глубоким сном. На мгновение его рука коснулась толстой веревки звонка, но потом упала, и он отступил. Тишина казалась слишком плотной, чтобы нарушать ее колокольным звоном.

Рингил неуверенно усмехнулся над внезапной чувствительностью и пустился украдкой вдоль забора, высматривая дыру, проделанную в юности. Нашел, протиснулся – с большим трудом! – и, выбравшись из несговорчивых кустов, направился к широким лугам позади дома, не тревожась из-за хруста гравия под ногами.

На шум во внутренний двор, расположенный на возвышенности, вышел стражник с пикой в одной руке и ненужным фонарем в другой, замер у широкой лестницы. За то время, что понадобилось бы бедолаге, чтобы бросить фонарь и взять пику наизготовку, Рингил мог его убить; это знание рассеянным потоком явилось откуда-то изнутри; он ощутил его в собственных костях и выражении лица. Приветственно взмахнул рукой и получил в ответ пристальный

взгляд прищуренных глаз. Потом стражник узнал Ги́ла, без единого слова повернулся и исчез в доме.

Дверь в кухню была, как обычно, открыта. Он увидел красноватый, мерцающий свет, который изливался в утренние сумерки, будто из нижнего угла суровой серой громадины особняка вытекали жизненные соки. Рингил обошел внутренний двор, рассеянно ведя пальцами по истертой, испятнанной мхом каменной кладке, и, одолев три ступеньки, спустился в кухню. Почувствовал, как открываются поры на лице, впитывая тепло от очагов, расположенных вдоль боковой стены. Улыбнулся этому ощущению и вдохнул его, чувствуя, что вернулся домой. В каком-то смысле, так оно и было. «В любом случае, более теплого приема ты здесь не дождешься». Он огляделся, ища место, где присесть. Впрочем, где угодно: длинные, исцарапанные деревянные столы еще пустовали, и никто пока не пришел, чтобы заняться приготовлением еды для грядущего дня. Единственная девочка-служанка возилась у одного из больших котлов с водой; она бросила на него быстрый взгляд, отвлекшись от трудов, и будто улыбнулась, а потом почти с той же быстротой отвернулась. Шума от нее было мало, как от призрака.

Но у двери в дальнем конце кухни ждал кое-кто еще.

– Ну надо же, какой сюрприз.

Он вздохнул.

– Доброе утро, мама.

День и впрямь начинался так, словно он вернулся в свою юность. Ишиль стояла на высоком пороге в дальнем конце кухни, на расстоянии двух ступенек от плит пола, словно на подиуме. На лице – полный макияж, тело – в платье, которое дома она обычно не носила. Не считая этого, госпожа Эскиат выглядела безупречной копией матери, с которой ему приходилось сталкиваться много лет назад, приползая домой «после вчерашнего».

Он вытащил табурет из-под стола и сел.

– Только с вечеринки?

Ишиль с царственным видом спустилась в кухню. Ее юбки шуршали по полу.

– Вообще-то этот вопрос должна задавать я. Ведь ты где-то шлялся всю ночь.

Рингил взмахнул рукой.

– Только не говори, что в таком виде сидела дома.

– У твоего отца были гости из Канцелярии. Говорили о вопросах государственной важности. Они еще не ушли.

– Что ж, приятно знать, что я не один работаю допоздна.

– Это теперь так называется? – Теперь она стояла по другую сторону стола от него. – «Работать»?

– В каком-то смысле, да.

Ишиль одарила его ледяной улыбкой.

– А я думала, ты просто совокуплялся с бывшими знакомыми.

– Есть разные способы добывать сведения, мама. Если тебе нужен более традиционный подход, надо было держаться отца с его головорезами.

– Скажи мне, – любезно проговорила она, – что позволили узнать твои оригинальные методы о местонахождении Шерин?

– Немногое. Двери в Солёный Лабиринт сомкнуты плотнее, чем сфинктер у священника. Мне понадобится время, чтобы разобраться. – Он ухмыльнулся. – Так сказать, смазать проход.

Она отпрянула, надменная как раздраженная кошка.

– Фу! Обязательно быть таким вульгарным, Рингил?

– Что, стыдно перед слугами?

– В каком смысле?

Рингил махнул рукой себе за спину, указывая на девчонку у котла, но когда он повернулся, оказалось, что служанка тихо ускользнула и оставила его наедине с Ишиль. Что ж, он не мог ее винить. Темперамент госпожи Эскиат вошел в легенды.

– Забудь, – проговорил он устало. – Короче говоря, я продвигаюсь, но медленно. Такие вот новости.

– Он все равно хочет с тобой повидаться.

– Кто?

– Твой отец, разумеется. – Тон Ишиль стал напряженным. – Ты хоть слово услышал из того, что я сказала? Он наверху, вместе со своим гостем. Они ждут тебя.

Рингил опустил локти на стол. Расположил предплечья под углом друг к другу, сомкнул пальцы и взглянул на получившийся замок. Потом спросил с тщательно выверенным безразличием:

– В самом деле?

– Да, Гил. И он не в лучшем настроении. Так что идем.

Долгий шелест ее юбок по полу внезапно показался таким неприятным, что Рингил закрипел зубами. Ишиль дошла до края стола и поняла, что сын не собирается за ней следовать. Она повернулась и устремила на него суровый взгляд, хорошо знакомый по прежним временам. Он не посмотрел ей в глаза.

– Ты идешь или нет?

– Угадай с первого раза.

– Гил, что это такое? Ты обещал...

– Если Гингрэн хочет со мной поговорить, пусть спускается сюда. – Рингил взмахом руки указал на пустое пространство между ними. – Тут достаточно уединенно.

– Хочешь, чтобы он привел гостя в кухню?! – с искренним ужасом спросила Ишиль.

– Нет. – Теперь Рингил взглянул на нее. – Я хочу, чтобы он отвязался от меня на хрен. Но если не получается, давай посмотрим, как сильно ему хочется со мной поговорить, да?

Она постояла еще пару секунд, а потом, когда он не отвел глаза и остался неподвижным как камень, быстро и без единого слова вышла, поднявшись по ступенькам. Рингил проследил за ней, чуть изменил позу, ссутулился и окинул пустую кухню взглядом, словно искал в ней свидетелей, публику. Потер ладони, вздохнул.

Вскоре давешняя служанка вернулась, соткавшись из пустоты у него за плечом с молчаливой, скучной деловитостью, от которой Рингил вздрогнул. В руках она держала деревянную кружку с крышкой, из-под которой выползали струйки пара.

– Чай, мой господин, – прошептала девочка.

– А, ну да. – Он моргнул и подавил дрожь. – Ты не могла бы не подкрадываться ко мне вот так?

– Простите, мой господин.

– Ладно. Поставь сюда.

Она подчинилась и ушла так же бесшумно, как возникла. Он дождался, когда служанка исчезнет из вида, открыл крышку и ссутулился над чашкой, вдыхая. Пар с ароматом горькой зелени струился из нее, тепло поднималось от поверхности воды, в которой заваривались травы; к его воспаленным глазам будто приложили мягкое полотенце. Отвар был слишком горячим для питья. Рингил уставился на искаженное, темное отражение собственного лица в чашке, заключил свое зыбкое подобие в ладони, словно опасаясь, что оно выкипит и растает в воздухе, как обвивающий его пар. В конце концов он осторожно отодвинул кружку, медленно опустился вперед, упершись подбородком в столешницу, прижавшись щекой к вытянутой руке, и устремил рассеянный взгляд вдоль стола, на противоположный конец кухни.

Услышал, как они идут.

Раздалась тяжелая поступь – и внезапно Рингил услышал что-то еще, тихий отголосок колдовской ясности, который он, быть может, подцепил там, в предрассветном тумане, какое-то наследие зловещего смеха, что коснулся его мимоходом, будто приглашая сойти с дороги и отправиться следом, и все еще раздавался где-то под сводами черепа, подсказывая, чего ждать. Впрочем, это мог быть последний вздох крина, галлюцинаторный эффект, хорошо знакомый тем, кто его употреблял. Так или иначе, позднее окончательно протрезвевший Рингил не сможет избавиться от воспоминаний об этом чувстве, которое было почти знанием и пришло одновременно с тенями, сгустившимися в дверном проеме и приближением звука шагов. Предчувствие заставило его оторваться от стола, выпрямить спину, сосредоточиться – но движение пробудило хмельную усталость, которая в некотором роде напоминала смирение...

– Ну, привет, Рингил, – громким голосом заявил Гингрэн, спускаясь в кухню, но в его сердечном тоне ощущалась фальшивая нота, будто он споткнулся на пути. – Твоя мать сказала, что мы найдем тебя здесь.

– Похоже, она была права.

Отец и сын посмотрели друг на друга, словно дуэлянты перед навязанным им поединком. В кухне с низкими потолочными балками Гингрэн выглядел особенно крупным, массивным; за прошедшие годы он чуток раздался в талии, совсем как Миляга, и лицо его от хорошей жизни и возраста – и, предположил Рингил, от нынешней бессонной ночи – чуть обрюзгло и утратило былую отточенность черт. Однако если не обращать на это внимания, в целом он почти не изменился. Взгляд такой же суровый, без тени подлинных сожалений. Отец, как ни выискивал в сыне перемену, найти ее не сумел – хотя, если откровенно, за минувшие после возвращения Рингила дни Гингрэн не особо к нему приглядывался. Они, разумеется, были обречены сталкиваться в разных частях дома, и, как правило, один из них разговаривал с кем-то другим, служившим преградой и барьером, а также поводом выдавить из себя лишь невнятное приветствие, прежде чем пройти мимо. Их распорядок дня совпадал не больше, чем в юности Рингила, и никто из домочадцев, включая Ишиль, не пытался сблизить их сильнее, чем выходило само по себе.

Но теперь...

Теперь давешнее предчувствие рухнуло на него, как содержимое лопнувшего мешка. В кухню вошел легконогий и стройный, невзирая на посеребренные виски годы, Мурмин Каад.

– День добрый, мастер Рингил.

Рингил застыл, напряженно выпрямив спину.

– Ха! Язык проглотил. – Впрочем, Гингрэн был – и, наверное, в каком-то смысле остался – воином, поэтому знал, как понимать неожиданное оцепенение сына. Он махнул рукой Кааду, предупреждая, чтобы тот оставался на месте. – Лорд-судья Каад здесь по моему приглашению, Рингил. Он хочет кое о чем поговорить с тобой.

Рингил пристально глядел в одну точку.

– Тогда пусть говорит.

Короткая неуверенная пауза. Гингрэн кивнул, и Каад подошел к дальнему концу стола. Театральным жестом вытащил из-под него один из грубых деревянных табуретов и сел, изображая ироничное великодушие ввиду отсутствия церемоний и бархатной обивки сиденья. Поправил складки одеяния, подвинулся ближе к краю стола и опустил на поцарапанную столешницу руки, сцепленные в свободный замок. На одном из пальцев выделялся серебряный перстень с золотой инкрустацией и крестом городской Канцелярии.

– Всегда радуется, – начал он официально, – когда воочию удостоверешься в том, что один из самых славных сынов этого города наконец вернулся.

Рингил бросил на него быстрый взгляд.

– Я сказал, пусть говорит, а не вылизывает мне зад дочиста. Ближе к делу, будьте любезны.

– Рингил!

– Нет-нет, Гингрэн, все в порядке. – Но, разумеется, это было не так – Рингил увидел, как по лицу лорда-судьи пробежала гневная туча, которую тот быстро стер и заменил натянутой дипломатичной улыбкой. – Твой сын и Комитет не всегда находили общий язык. Ах, молодость... она, как ни крути, не преступление.

– Для Джелима Даснела, – тут старый гнев вскипел внутри Рингила, слегка приглушенный отходняком, – это не стало смягчающим обстоятельством.

Еще одна короткая пауза. За спиной Рингила отец сдавленно фыркнул и явно проглотил начало какой-то фразы.

Каад опять нацепил улыбочку.

– Сдается мне, Джелим Даснел нарушил законы Трелейна, посмеявшись над моралью, коя лежит в основе нашего бытия. Как и ты, Рингил, хоть я опечален тем, что приходится вспоминать сей факт в доме твоих родителей. Кто-то один должен был стать примером.

Гнев острым клинком рассек дурман кринового отходняка и блеснул чистой, свежей сталью. Рингил перегнулся через половину стола и вперил в Каада пылкий взгляд.

– Мне что же, тебя благодарить? – прошептал он.

Каад не дрогнул.

– Да, я думаю, стоило бы. У Восточных ворот легко нашлось бы местечко еще для одной клетки.

– Нет уж, не легко. Не для того, кто рьяно выслуживался перед знатью, как ты, Каад. Не для того, кто предвкушал лакомый кусочек – скорую возможность присосаться к эскиатской сиське. – Рингил произвел на свет собственную улыбку – в медленном изгибе губ ощущалось что-то непристойное; рот уподобился ране. – Еще не насосался, человечешка? Чего тебе надо?

На этот раз у него получилось достать судью. Гнев снова искажил лицо Мурмина Каада и не исчез. Улыбка испарилась, патрицианская маска натянулась у рта и глаз, щеки над ухоженной бородой потемнели от ярости, которую он не смог замаскировать. Лорд-судья был родом из портовых трущоб, и презрение, с которым аристократические семьи относились к этому выскочке, поднимавшемуся все выше в судейской иерархии, ни для кого не являлось тайной. Кольцо и прочие символы положения достались дорогой ценой, за натянутые улыбки и приглашения на приемы в особняки Луговин он платил кровью; сдержанное уважение, но не признание – о нет, не признание – добывал из лживых аристократических сердец Трелейна, словно рудокоп в шахте, продвигаясь очень медленно, коварным и хладнокровным образом просчитывая каждую тайную сделку и завуалированный ход в борьбе за власть. В презрительной усмешке Рингила лорд-судья услышал треск зыбких подпорок, на которых все держалось. Словно ледяная вода накатило осознание, насколько оно хлипкое и искусственное, какими пустяками в вопросах крови предстают материальные блага и должность, и как мало в этом смысле было и будет перемен. Каад по-прежнему нежеланный гость, которого лишь терпели, грязный выскочка из низов.

– Да как ты смеешь!

– О, еще как смею. – Рингил небрежно почесал шею рядом с торчащей из-за спины рукоятью Друга Воронов. – Очень даже смею.

– Ты обязан мне жизнью!!!

Рингил бросил косой взгляд на отца и прикинул, что еще сильнее Каада разозлит, если его сбросят со счетов как человека, не представляющего никакой угрозы.

– И долго я буду это слушать?

Гингрэн рассвирепел.

– Хватит, Рингил!

– Вот и я говорю – хватит.

– Скажи своему... – Каад встал, от ярости его лицо покрылось пятнами, – ...выродку, гребаному неблагодарному отродью, скажи ему...

– Как ты меня назвал?

– Рингил!!!

– Скажи ему, Гингрэн, что всему есть предел. Прямо сейчас. Или я уйду и заберу свой голос с собой.

– Голос? – Рингил уставился на отца. – Что еще за гребаный голос?!

– Молчать! – Это был рев, годный для поля боя, и в тесной кухне он прозвучал гулко, словно огромный колокол. – Заткнулись оба! Просто заткнитесь и начинайте вести себя как взрослые люди. Каад, сядь. Мы не закончили. А ты, Рингил, можешь думать, что хочешь, но в моем доме веди себя прилично. Это не придорожный кабак, чтобы устраивать драки.

Рингил издал тихий звук, будто сплевывая.

– В придорожных кабаках, какие мне известны, клиенты приличнее. В горах не любят тех, кто занимается пытками.

– А как насчет тех, кто убивает маленьких детей? – Каад опять уселся, с тем же изощренным вниманием к складкам своего одеяния. Он бросил на Рингила многозначительный взгляд. – Что бы там сказали по этому поводу?

Рингил промолчал. Из глубин памяти начало сочиться воспоминание, но он заткнул дыру, пресекая его в зародыше. Обхватил ладонями чашку с дымящимся чаем и уставился в нее. Еще слишком горячо, чтобы пить. Гингрэн не упустил свой шанс.

– Рингил, мы пытаемся тебе помочь.

– Неужели, отец?

– Мы знаем, что ты пытаешься подобраться к Соленому Лабиринту, – сказал Каад.

Рингил вскинул голову.

– За мной следят?

Каад пожал плечами и взмахнул рукой – дескать, зачем суета? Рингил мгновенно восстановил в памяти все, что случилось по пути домой. Звуки опасливого преследования. Зуд в затылке. Наблюдатели среди деревьев, спасающиеся бегством.

На его лице опять появилась улыбка, похожая на рану.

– Будь осторожнее, Каад. Если твои головорезы из Комитета подберутся ко мне слишком близко, придется вылавливать их в бухте по кускам.

– Я бы посоветовал не угрожать служащим Канцелярии, мастер Рингил.

– Это не угроза, а описание грядущих событий.

Гингрэн издал нетерпеливый звук.

– Дело в том, Рингил, что нам известны твои проблемы с проникновением в Эттеркаль. Мы можем тебе помочь. Точнее, лорд Каад может.

Рингил испытал нечто вроде изумления. Он смутно ощущал форму грядущего, осторожно ощупывал ее края.

– Собираетесь доставить меня в Солёный Лабиринт?

Каад кашлянул.

– Нет, не в этом смысле. Но существуют, скажем так, более выгодные направления расследования, которыми ты мог бы воспользоваться.

– Неужели? – спросил Рингил голосом без интонаций. – И каковы они?

– Ты разыскиваешь Шерин Херлириг Мернас, вдову Билгреста Мернаса, проданную согласно разрешению долговых гарантов в прошлом месяце.

– Ага. И вы знаете, где она?

– Прямо сейчас – нет. Но ресурсы Канцелярии вполне могут открыться тебе таким образом, как еще не бывало.

Рингил покачал головой.

– Хватит с меня Канцелярии. Там нет ничего полезного, чего я не знал бы.
Нерешительная пауза. Гингрэн и Каад обменялись взглядами.

– Есть вопрос живой силы, – начал Каад. – Мы могли бы...

– ...снабдить меня достаточным количеством стражников, чтобы перевернуть Солёный Лабиринт вверх тормашками. Настучать кое-кому по башке и получить кое-какие ответы. Верно?

Опять быстрый обмен взглядами, мрачные лица. Рингил, хоть и догадывался, каким будет ответ, недоверчиво рассмеялся.

– Клянусь яйцами Хойрана, что такое с этим Эттеркалем? – Впрочем, благодаря Милкару он уже знал, в чем причина – и к ней, судя по всему, следовало отнестись серьезно. – Когда я находился здесь в последний раз, он был обыкновенной трущобой! А теперь все даже постучать в ворота бояться?

– Рингил, ты не понимаешь всей сложности вопроса. И твоя мать не понимала, позвав тебя обратно.

– Этому я как раз не удивляюсь. – Рингил ткнул в отца пальцем. – Ты даже не почесался, чтобы помочь Шерин, когда ее продали, но стоило мне ударить кулаком в ворота Солёного Лабиринта, как дело удостоилось внимания. В чем дело, папа? Хочешь, чтобы я остановился? Я могу огорчить не тех людей? И снова тебя опозорить?

– Ты слишком легкомысленно относишься к происходящему, Рингил. Не понимаешь, во что пытаешься вмешаться.

– Гингрэн это только что сказал, Каад. Ты у нас кто, сраный попугай?

– Твой отец главным образом руководствуется заботой о твоём благополучии.

– Откровенно говоря, сомневаюсь. Но даже окажись это правдой, есть ты. В чем твоя выгода, вероломный старый мудак?

Каад грохнул кулаком по столу и привстал с табурета.

– Ты не имеешь права говорить со мной таким тоном, – произнес он хриплым голосом...

...и рухнул с табурета на спину, схватившись обеими руками за лицо, над которым подымался пар от горячего чая, и истошно вопя. Рингил встал и швырнул опустевшую кружку ему вслед – через стол, на каменный пол, где она осталась лежать, источая слабый пар.

– Я буду с тобой говорить так, как мне вздумается, Каад. – Сейчас Рингил был странно холоден и спокоен, ощущая безмятежность от осознания, что произошедшее вкупе с последствиями было неизбежно с момента, когда он согласился вернуться домой. – Если тебя волнуют мои слова, встретимся на поле возле холма Бриллин и разберемся.

Каад катался по полу, путаясь в собственном одеянии. Его ладони по-прежнему были прижаты к лицу. Он издал сквозь пальцы какой-то писк. Гингрэн стоял, потеряв дар речи, и глядел то на поверженного судью, то на сына. Рингил не обращал на него внимания.

– Разумеется, при условии, что ты найдешь кого-то, кто покажет, с какой стороны берутся за меч.

– Хойран заберет твою душу в ад!!!

– Если ты действительно веришь в то, что проповедуешь, он уже принял такое решение. Учитывая все мои плотские грехи, не думаю, что избиение местного магистрата произведет на Темного Владыку сильное впечатление. Извини.

К этому моменту Гингрэн обошел стол и присел рядом с Каадам. Судья отбил его протянутую на помощь руку. Вскарabкался на ноги сам – его лицо покраснело, нос и одна щека были по-настоящему обварены чаем. Он ткнул в сторону Рингила дрожащим пальцем.

– Ты за это заплатишься, Эскиат. Ты заплатишься.

– А как иначе.

Каад завернулся в свои одежды и нашел силы для презрительной усмешки.

– Нет, мастер Рингил. От последствий того, что творишь ты и подобные тебе, всегда страдают другие, от Виселичного Пролома до клеток у Восточных ворот.

Рингил рывком продвинулся на четверть дюйма вперед. Взял себя в руки.

– Теперь тебе и впрямь лучше убраться отсюда, – проговорил он негромко.

Каад ушел. Может, он что-то заметил во взгляде Рингила или просто не увидел способов развернуть ситуацию в свою пользу. Он ведь, в конце концов, был настоящим политиком. Гингрэн поспешил вслед за ним, бросив на сына яростный взгляд через плечо, заменяющий тысячу слов. Оставшись один, Рингил несколько секунд стоял неподвижно, а потом ссутулился под нарастающим весом осознания. Оперся ладонями о стол перед собой и уставился на пустую кружку.

– Надо же, чай был таким горячим... – пробормотал он и издал короткий смешок. Огляделся в поисках служанки, но та не появилась. Прищурился на дверь в сад, где свет сделался уже достаточно ярким, чтобы ранить зрачки, расширенные от крины. Он подумал, не пойти ли поспать, но в конце концов просто сел опять за стол и спрятал лицо в ладонях. В затылке раздавался свист – тускнеющий отголосок наркотика.

Он сидел в той же позе, когда вернулся Гингрэн, будто несколько часов спустя.

– Ну, все, ты доигрался, – прорычал Эскиат-старший.

Рингил провел ладонями по лицу и посмотрел на отца.

– Вот и славно. Больше не хочу дышать одним воздухом с этим мудаком.

– Ох, клянусь зубами Хойрана! Да что с тобой такое, Рингил? Ты можешь в кои-то веки объяснить мне, что с тобой не так?!

– Что со мной не так? – Рингил внезапно вскочил и оказался в считанных дюймах от боевой зоны досягаемости отца. Его рука взметнулась, указывая на восток. – Он приговорил Джелима к посадению на кол!!!

– Это произошло пятнадцать лет назад! Все равно Джелим Даснел был вырождением, так что он...

– Как и я, папа. Как и я.

– ...мать его за ногу, заслуживал клетки!

– Значит, я тоже!!!

Оно выразило себя в его крике – тайное, давящее и ядовитое чувство, ноющая боль, погнавшая его на перевал в Виселичном Проломе, сродни боли от прикусывания гнилого зуба, откуда вытекает сладковатый гной. Рингил ощутил привкус собственной ненависти во рту и затрясся так, что не смог остановиться. Гингрэн почувствовал этот взрыв – и дрогнул.

– Рингил, но таков закон...

– Бред сивого ящера! – Внезапно сила гнева испарилась, криновый отходняк ее уничтожил и навалился растущей тяжестью, не давая сосредоточиться. Рингил вернулся к табурету и опять сел, безжизненным тоном бросил через плечо, обращаясь к отцу, который остался стоять: – Это была политическая сделка, ты все знаешь сам. Думаешь, Джелима посадили бы в клетку у Восточных ворот, будь его фамилия Эскиат? Или Аланнор, Раф-рилл, любая другая, за которой маячит мощь Луговин? Думаешь, хоть один садист-насильник из Академии когда-нибудь познакомится с острым навершием кола?

– Этот вопрос, – напряженно проговорил Гингрэн, – мы не можем обсу...

– Ох, пошло все на хрен. Забудь. – Рингил подпер подбородок ладонью с полусогнутыми пальцами и, поддавшись нарастающему отходняку, позволил зрению расфокусироваться, чтобы не видеть узор древесины на столешнице. – Я этого не сделаю, отец. Я не буду спорить с тобой из-за прошлого. Какой смысл? Прости, если я испортил тебе переговоры с Канцелярией.

– Не только мне. Каад мог бы помочь.

– Ага. Мог бы, но не собирался. Он просто хотел – вы оба хотите, – чтобы я держался подальше от Соленого Лабиринта. Остальное – отвлекающие маневры. Это не поможет мне разыскать Шерин.

– По-твоему, если пробиться в Эттеркаль силой, что-то изменится к лучшему?

Рингил пожал плечами.

– Эттеркаль забрал ее. Значит, только там я найду что-нибудь полезное.

– Клянусь зубами Хойрана, Рингил. Неужели оно того стоит? – Гингрэн подошел к столу, оперся об него и склонился над сыном. Его дыхание было несвежим от переживаний и бессонной ночи. – Я хочу сказать, неужели *она* того стоит – дочь придурка-торговца, бесплодная, да еще и слишком тупая, чтобы вовремя не позаботиться о собственной судьбе? Она тебе даже не двоюродная сестра.

– Я и не ожидал, что ты поймешь.

«В особенности то, чего я сам не понимаю».

– Она уже сейчас порченный товар, Рингил. Ты ведь понимаешь, верно? Знаешь, как устроен невольничий рынок.

– Как уже было сказано, я и не ожи...

– Хорошо, потому что я и впрямь не понимаю. – Гингрэн стукнул по столу кулаком, но не в гневе, а от отчаяния. – Я правда не понимаю, каким образом тот самый человек, который помог спасти этот сраный город от ящеров может сидеть тут и говорить мне, что вернуть одну изнасилованную и избитую бабу важнее, чем защитить стабильность того самого города, за который он отчаянно сражался.

Рингил посмотрел на отца.

– А-а, теперь дело в стабильности, да?

– Именно так.

– Как насчет подробностей?

Гингрэн отвернулся.

– Совет постановил, что это должно оставаться тайной. Я не могу разглашать...

– Ладно.

– Рингил, я даю тебе честное слово. Клянусь именем Эскиата! Может показаться, что это пустяк – подумаешь, поднимется суматоха в Эттеркале, – но за этим кроется угроза, ничуть не уступающая долбаным ящерам, которых ты сбросил с городских стен в пятьдесят третьем.

Рингил вздохнул. Потер ладонями глаза, пытаясь избавиться от ощущения насыпанного песка.

– В снятии осады моя роль не велика, отец. И, честно говоря, я бы сделал то же самое для любого города, включая Ихельтет, если бы нам пришлось сражаться там, а не здесь. Знаю, нынче о таком не принято говорить вслух, раз уж мы с Империей снова заклятые враги. Но такова истина, а я в определенном смысле равнодушен к истине. Можешь считать это моей слабостью.

Гингрэн выпрямился.

– Истина – не слабость.

– Нет? – Рингил собрал все силы и встал, чтобы уйти. Зевнул. – Сдается мне, она не сделалась тут популярнее с той поры, как я уехал. Забавно, в те времена любили повторять, что истина – одна из вещей, за которые мы сражаемся. Свет, справедливость и истина! Отчетливо помню, как мне это говорили.

Они стояли и смотрели друг на друга; секунды бежали одна за другой. Гингрэн тяжело вздохнул, с таким видом, словно ему от этого стало больно. Выражение его лица изменилось.

– Значит, ты пойдешь туда? В Эттеркаль. Несмотря на все, что сейчас услышал.

– Да, пойду. – Рингил принялся разминать шею, пока в ней что-то не щелкнуло. – Кааду скажи, чтобы не пытался мне мешать.

Гингрэн не отвел взгляд. Кивнул, будто что-то понял.

– Знаешь, Рингил, он мне нравится не больше, чем тебе. Не больше другой портовой шавки. Но и от шавок бывает польза.

– Видимо, да.

– Мы живем не в самые благородные времена.

Рингил изогнул бровь.

– Да что ты говоришь?

Очередную паузу нарушил звук, который издал Гингрэн – он рассмеялся, не размыкая губ. Рингил скрыл изумление. Отец не смеялся в его компании почти двадцать лет. Поколебавшись, он чуть приподнял уголки рта в намеке на улыбку.

– Мне надо прилечь, папа.

Гингрэн опять кивнул, а его новый тяжелый вздох показался таким же болезненным.

– Рингил, я... – Он покачал головой. Беспомощно взмахнул руками. – Понимаешь, ты... если бы ты... если бы тебе...

– Не нравилось отсасывать у мужиков. Ага, понимаю. – Рингил направился к двери, собираясь побыстрее пройти мимо отца, чтобы не увидеть, как тот морщится от отвращения. Но поравнявшись с Гингрэном, наклонился ближе и прошептал: – Но проблема в том, что мне это нравится, папа.

Эскиат-старший содрогнулся, как от удара. Рингил вздохнул. Затем поднял руку и небрежно похлопал отца по груди и плечу.

– Не переживай, папа, – тихо проговорил он. – У тебя есть еще два мужественных сына, которыми можно гордиться. Во время осады оба проявили себя очень даже неплохо.

Гингрэн ничего не сказал, не сделал и не издал ни единого звука. Он будто превратился в изваяние. Рингил снова вздохнул, убрал руку с отцовского плеча и ушел.

Сон. Ему надо выспаться.

И точка.

Глава 8

Хангсет еще дымился.

Арчет сидела в седле и смотрела на город, бухту и разрушения с высоты близлежащей горы, забыв про подзорную трубу, которую держала в руке. Конь переступал с ноги на ногу, беспокойно вдыхая сырую и едкую горелую вонь, время от времени приносимую ветром. Отряд Престола Вековечного растянулся вдоль вершины, вокруг советницы императора, держась с подчеркнутым бесстрашием и профессионально, как того требовала репутация. Но ветер уже донес до Арчет пару сдавленных проклятий, когда люди увидели, что творилось внизу. Она не могла их винить. Ее предупреждали о том, чего следовало ждать, и все-таки она с трудом верила собственным глазам.

Арчет в некотором роде знала Хангсет, бывала здесь несколько раз с кириатскими инженерными войсками во время войны. В самом начале противостояния Чешуйчатые выбрались на сушу именно на этом побережье, на всем его протяжении, убивали и сжигали все на своем пути, действуя почти с человеческой деловитостью, и неизменно отступали в глубины до того, как имперские легионы успевали нанести ответный удар. Акал, который в вопросах тактики был реалистом, смирил гордыню и обратился за помощью к кириатам. Грашгал послал своих инженеров.

Теперь кириатские заградительные сооружения вдоль портовой стены и береговой линии были пробиты насквозь в полудюжине мест; на гладких стекловидных укреплениях зияли дыры с рваными краями, которые в свете раннего полудня переливались радугой. Что бы ни причинило ущерб, оно не остановилось – за каждым проломом разрушения продолжались и были такими всеобъемлющими, каких Арчет не случалось видеть со времен войны. От каменных строений остались невысокие руины, деревянные просто исчезли, превратившись в золу и обломки. В бухте тут и там из воды торчали обломанные, наклоненные мачты, указывая на корабли, прямоком отправившиеся на дно. На пристани громоздились развалины рухнувшего маяка. Казалось, некий бог рептилий огромной когтистой лапой стер это место с лица земли.

Мертвецов были сотни.

Едва взглянув на город в подзорную трубу, она могла приблизительно подсчитать потери, но к моменту, когда это случилось, предположения оказались лишними. На обращенных к берегу склонах холмов они напоролась на пеструю толпу беженцев-горожан и обессиленных солдат, которыми командовал – если можно это так назвать – один из немногих выживших офицеров Хангсетского морского гарнизона. Молодой лейтенант, вздрагивая и морщась от воспоминаний, коротко доложил ей о случившемся. О потусторонних воплях со стороны моря, шарах живого синего пламени и призрачных фигурах, рассекавших улицы, полные дыма, которые убивали все живое оружием из мерцающего света. «Ничто их не брало, – оцепенело рассказывал он. – Я видел, как наши лучники всаживали в них стрелы с пятидесяти футов, натянув тетивы до предела. С такого расстояния стрела со стальным оперением должна пронзить человека насквозь, пробить доспехи и тело. Но стрелы, мать их, будто растворились или... я не знаю. Когда они приблизились к нашей баррикаде на двадцать футов, я повел своих людей в атаку. Это было как сражаться в ночном кошмаре. Мы двигались словно под водой, а эти уроды были такими проворными...»

Он замолчал, охваченный воспоминаниями, и словно сделался в три раза старше.

«Как тебя зовут?» – мягко спросила Арчет.

«Галт. – Он продолжал тарашиться в пустоту. – Парнан Галт, рота Павлина, пятидесятый имперский морской полк, семьдесят третий призыв».

Семьдесят третий. Как и гонец, принесший известие в Ихельтет, он был совсем мальчишкой, когда закончилась война. Скорее всего, в бою не бывал, если не считать стычки с

пиратами и периодическое подавление бунтов. После шестьдесят шестого призыва мало кто из новобранцев в регулярных войсках приобрел иной опыт. Арчет похлопала его по плечу, встала и ушла, а он остался сидеть наедине с воспоминаниями. Она не просила вернуться с ними в город.

Поручив сержанту Престола Вековечного и его взводу позаботиться о колонне беженцев, которая ждала своей участи, она продолжила путь с остатком роты. Скептические голоса в ее голове воевали с подступающим ощущением серьезной беды. Молодой лейтенант и гонец стали свидетелями чего-то нового – такого, что легко со счетов не сбросишь. Их полные ужасов рассказы были не просто болтовней тех, кто впервые узрел войну в ее омерзительном великолепии.

«Нет? – Внутренний скептик набрал силу. – А ты собственную первую битву помнишь, а? Маджакские застрельщики-берсеркеры прорвались сквозь строй при Балдаране. С воим понеслись через поле, сея панику среди солдат. Трава от крови легла, словно залитые патлы сутенера. В тот первый раз ты сломалась, схватила Араштала за руку, но та была отрублена и осталась в твоей. Ты заорала, но никто не услышал, и ты будто увязла в грязи. Разве это не было похоже на ночной кошмар?»

«А призраки? Неведомое мерцающее оружие? Растворяющиеся стрелы?»

«Субъективные впечатления. Страхи, типичные для ночных битв. Лучники перепугались, как все, и начали стрелять куда попало или как попало».

«Хм-м...»

Кем бы ни были нападавшие, Хангсет лежал перед ней, иссеченный, изорванный и дымящийся, как чье-то свежеспоротое брюхо на поле боя посреди холодного севера.

– Святая, чтоб тебя, Мать Откровения... – Махмаль Шанта рядом с ней тщетно пытался успокоить вставшего на дыбы коня. Было неясно, проклиная он животное или разрушения внизу. – Что за хрень тут произошла?

– Не знаю, – задумчиво ответила Арчет. – Выглядит нехорошо, да?

Шанта нахмурился, пытаясь усидеть верхом, сохранив толику достоинства. Он был в седле бесполезен, как всегда. Узловатые старые пальцы сжимали вожжи, словно веревку, по которой пожилой инженер пытался куда-то забраться.

– Повторение Демлашарана, чтоб ему пусто было, вот как это выглядит, – проворчал он. Арчет покачала головой.

– Это не драконы. Слишком много сохранилось.

– По-твоему, что-то еще, кроме драконьего пламени, способно так дырывать кириатские укрепления? Да чтобы этот гребаный конь в тартарары провалился ...

Арчет потянулась к пугливому животному и ласково положила ладонь ему на шею. Пробормотала слова, как учил отец, поцокала языком. Конь немного успокоился, отчасти уверенный, что хоть кто-то из присутствующих понимает, что происходит, и может это контролировать.

«Ах, если бы... – невольно пришла ей в голову мысль, куда более ироничная, чем располагали обстоятельства. – И вообще, жаль, что людей не так просто обмануть, как лошадей».

«Эй, Арчиди, в последний раз, когда я проверяла, обмануть их было очень даже легко».

«Ну да, ну да, опять ты отстраняешься, старая боевая кляча». Теперь ощущение надвинулось в полную силу, полное холодного черного юмора: «Взгляни, развалины дымятся вокруг, и безоружные пострадавшие плачут о своих потерях, чтобы этого не пришлось делать тебе. Надевай холодную, бряцающую броню профессиональной отчужденности, Арчет Индаманинармал, обживайся в ней, пока она не покажется теплой и уютной, и со временем забудешь, что на тебе надето. Ты заметишь ее, лишь когда она пригодится, не даст ощутить стальной укус того, что могло бы иначе проникнуть внутрь и причинить боль. И тогда лишь вздрогнешь, ухмыльнешься и отряхнешься после удара, как делают воины».

Эту часть себя она так и не научилась ненавидеть. Что, наверное, к лучшему – в последнее время при дворе ей помогали именно отстраненность с толикой веселья.

Она бросила взгляд через плечо туда, где у подножия горы сидел в седле Пашла Менкарак, Святейший и Наипочтеннейший надзиратель первого класса, страж Божественного Откровения (и Престола Вековечного, а как иначе), завернувшийся в черный с золотом официальный плащ и похожий на стервятника. Он чуть наклонил голову, оберегая глаза от солнечных лучей, и глядел, похоже, вверх по склону – прямо на нее.

– Мудила хренов, – пробормотала она.

Шанта увидел, куда смотрит чернокожая воительница.

– Ты бы следила за тем, что говоришь в его присутствии, – тихонько проговорил он. – Судя по тому, что я успел увидеть, он сообразительный.

– Ага. – Арчет ухмыльнулась. – Поначалу они все такие. Через пару месяцев при дворе поглядим. Будет валяться на ложе из сисек и задниц и услаждать свой хрен, как прочие.

Шанта закатил глаза от такой вульгарности.

– Или утонченность двора его не проймет, в точности, как тебя, Арчет. Ты о таком не подумала?

– Его-то? У него нет моего морального стержня.

– Кто его знает. Судя по тому, что мне довелось слышать о Цитадели в последнее время, там все перешло в другую колею. Говорят, из религиозных училищ теперь выходят люди совершенно иной породы. Вера тверже некуда.

– Ну и ладно.

Заметив движение, Арчет развернула коня, и пепельный ветер дохнул ей в лицо. Файлех Ракан, капитан подразделения Престола Вековечного, ехал рысью вдоль строя своих всадников, направляясь к ним с Шантой. Вздохнув, она нацепила маску главнокомандующего. Шанта замер в седле, выжидая. Подъехав к Арчет, Ракан спешился в знак уважения. Положил правую руку на рукоять сабли, накрыл левой и поклонился.

– Командующий, мои люди готовы. Ждем ваших распоряжений.

Арчет кивнула.

– Что ж, – сказала она, просяив. – Полагаю, нам пора спуститься и взглянуть поближе.

* * *

Среди руин, сквозь фальшивое воодушевление, проступили почти подлинные, давно знакомые чувства.

Свербящее желание покопаться в развалинах, которое толкало ее в пустынные экспедиции, а еще раньше – в Кириатские пустоши; жажда, которая вынуждала все время возвращаться к несговорчивым Кормчим на огненных кораблях, что еще остались. Она искала смысл, выход за грань сущего – туда, где мерцали и манили огни, словно в ночной гавани, скрывшейся за плотной завесой непогоды. Замеченный ответ превращался в маяк, и мир ненадолго обретал подобие упорядоченности. На какое-то время ей казалось, что некая цель близка.

К этим чувствам примешивалось еще одно – не такое уверенное, оно постепенно набравшее силу. Арчет догадывалась, что Файлех Ракан и все его люди с их каменными физиономиями воинов Престола Вековечного испытывают именно это ощущение, чистое, откровенное и пламенеющее, готовое в любой миг выплеснуться наружу.

Ярость.

Оскорбленная гордость Империи, могучая и величавая, разгоралась медленно, пока не раскалилась добела. Неслыханное дело! Кое-кто посмел, позволил себе небывалую дерзость – после обоюдного решения о мире напасть на имперский порт и причинить вред мужчинам и

женщинам, находящимся под осененным Откровением покровительством его императорской светлости Джирала Химрана II!

Для Арчет, знавшей, как ковался «обоюдный мир», больше, чем хотелось бы, данное чувство было фатально испорчено. Но оно все равно ощущалось, прилипчивое, словно боль в мышцах после долгой езды или патока по краям плохо вымытого противня. Невзирая на увиденное, советница императора знала достаточно, чтобы держать в узде свой цинизм.

«Смотри, – начал внутренний голос. – Ты знаешь, что Ихельтету принадлежат обширные территории, в сравнении с любыми его политическими конкурентами. По большей части, Империя обращается с теми, кто живет в пределах этих территорий, с некоторым узаконенным уважением, которое в других местах не распространено».

«Я в курсе».

«Ну и вот. Пусть это не цивилизованная всеобщность, про которую любил болтать Грашгал, это не будущее, которое он якобы видел в мечтах. И не такая уж плохая, рабочая замена. Ихельтет, в отличие от некоторых, хоть какие-то шаги в этом направлении делает».

Это было правда – среди жителей Империи преобладало грубоватое подобие сплоченности, рожденное в равной мере из религиозного универсализма Откровения, аскетичного военного эгалитаризма изначальной культуры девяти племен – «...теперь их семь; ага, знаю, не спрашивай...» – и благоразумного своекорыстия. Прими гражданство и перейди в истинную веру, пошли пару сыновей на военную службу, когда они достигнут совершеннолетия, плати налоги, рассчитанные таким образом, чтобы ты и твоя семья не обнищали, вам не пришлось уходить в горы и вести там бандитскую жизнь. Пока ты этим занимаешься, постарайся не увязнуть в долгах и не заболеть. Вероятность того, что при выполнении всех этих условий ты никогда не будешь голодать, твой дом не сожгут, детей не изнасилуют у тебя на глаза, а на тебя не наденут рабский ошейник... скажем так, достаточно велика. Везунчики даже видели, как взрослеют внуки.

«Неужели это так плохо, Грашгал? А?»

Всю предшествующую жизнь она внушала себе, что нет.

«Но это...»

Струящийся дым и хлопья пепла, взлетающие при каждом шаге, обгорелые ребра ребенка, раздавленного упавшим брусом.

«Мы так не договаривались. Такой хрени не допустим».

Она стояла под обломанной горелой балкой в том месте, где та соединялась с последней стоящей опорой дома, который лишился крыши. Поднявшийся ком в горле застал ее врасплох. Более холодная, рассудочная часть личности куда-то девалась, исчезла за пределами досягаемости. Со всех сторон нахлынула тишина руин. Вонь того, что осталось от трупов в развалинах вокруг, показалась тревожно знакомой, несмотря на прошедшие годы. Пепел и какая-то менее понятная грязь липли к сапогам значительно выше щиколоток. Ножи в голенище и на поясе казались бесполезным грузом. Ветер переменялся, и изнутри развалин повалил дым, от которого защищало в глазах.

– А, вот ты где.

Махмаль Шанта стоял снаружи жилища, за каменным проемом, который каким-то образом пережил удар, разваливший остальную часть стены. Спешившись, инженер будто вновь обрел толику хорошего настроения. Он изогнул бровь, окинув взглядом призрак входа и ступил через порог, где прищурился, оглядываясь, и скривил лицо. Она не понимала, заметил ли он трупы, но не заметить вонь было невозможно.

– Насмотрелась?

Она покачала головой.

– Недостаточно, чтобы разобраться в случившемся.

– Так мы за этим здесь? – Шанта подошел ближе и присмотрелся к ее лицу. – Ты плакала?

– Это дым.

– Ну да. – Он откашлялся. – Что ж, раз тебе хватает безрассудства искать объяснения произошедшему, знай: парни Ракана нашли выжившую. Может, мы сумеем у нее что-нибудь выпросить.

– Выжившую? Здесь?

– Да, здесь. Похоже, когда все ринулись за город, она сообразила найти укромное местечко и отсидеться там. – Шанта взмахом руки указал на улицу. – Ее нашли у гавани и теперь пытаются накормить. Видимо, последние четыре дня она питалась жуками и дождевой водой, потому что не вылезала из убежища с самого нападения. Ведет себя, мягко говоря, беспокойно.

– Отлично... – Арчет отвернулась, делая вид, что осматривает руины дома в последний раз. Ее взгляд снова наткнулся на раздавленную грудную клетку ребенка и зацепился за торчащие, сломанные ребра, словно каждое было колючкой, предназначенной именно для этого. – Уходим на хрен отсюда.

– После вас, моя госпожа.

На улице ее немного отпустило. Косые лучи клонящегося к закату солнца расчертили груды обломков, откуда-то доносилось мелодичное пение птиц. От подножия холма до горизонта простиралось глянцевое, ярко блестящее руно моря. Дневная жара начала спадать.

Но руины стояли за спиной немым укором. Она почувствовала себя неблагодарной хозяйкой, покидающей расстроенных гостей.

Мимо прошел Шанта и заставил ее встряхнуться, избавляясь от тягостных уз.

– Идешь? – спросил он.

На полпути к гавани Арчет кое-что вспомнила.

– Что ты имел в виду? «Хватает безрассудства искать объяснения произошедшему» – это о чем?

Шанта пожал плечами.

– Ну, знаешь. Мы не тот народ, которого интересуют конечные цели, так? Помахать флагом, собрать налоги. Наказать кого-нибудь – кого угодно! – чтобы всем полегчало. Ванбир помнишь?

Арчет остановилась и уставилась на него.

– Я вряд ли его забуду.

– Вот так и обстоят дела.

– Я здесь не для того, чтобы флагом размахивать и искать козлов отпущения, Махмаль. Мы пришли, чтобы найти факты.

– Так тебе Джирал сказал? – Морской инженер состроил гримасу. – Видать, застала его в хороший день.

Они застыли посреди засыпанной пеплом мостовой, прислушиваясь к отголоскам слов Шанты, которые унес ветер, и выискивая на лицах друг друга намеки на следующий шаг. Молчание становилось тягостным. Они давно были знакомы, но к такому повороту оказались не готовы.

– Я думаю, – наконец тихо произнесла Арчет, – что нам обоим лучше сосредоточиться на том, ради чего нас сюда прислали, а мысли об Императоре пусть останутся поводом для частных размышлений и молитв.

На изборожденном морщинами, ястребином лице Шанты появилась отработанная придворная улыбка.

– О да, моя госпожа. Так и есть. Ни дня не проходит, чтобы я не поминал Джирала Химрана в своих молитвах. – Он чуть согнулся в официальном поклоне. – С тобой, я полагаю, все обстоит так же.

Он не упомянул, чего просит для императора, обращаясь к высшим силам. Арчет, которая вовсе не молилась, издала горловой звук, выражая нечто вроде согласия.

И они отправились дальше по усыпанным пеплом улицам, притихнув и чуть спеша, будто двусмысленность слов Шанты превратилась в пса, который преследовал их, уткнувшись носом в землю и оскалив зубы.

Глава 9

Когда он проснулся, было еще светло.

Несколько удивленный этим, зевающий Рингил побродил по дому в поисках слуг, нашел нескольких и приказал приготовить горячую ванну. В ожидании, пока приказ выполнят, он зашел в кухню, прихватил тарелку с хлебом и вяленым мясом и съел все, стоя у окна, рассеянно разглядывая через стекло тени на лужайке, растущие с приближением вечера. Кухонные слуги суетились вокруг в клубах пара, перекрикивались, старательно не обращая на него внимания, будто он был дорогой и хрупкой статуей, которую по неудобной причине поставили среди них. Он искал взглядом девочку, которая принесла чай, но не увидел. Когда ванна была готова, Рингил вернулся наверх и отмокал в ней, пока вода не начала остывать. Тогда он вытерся полотенцем, не дожидаясь помощи, оделся, придирчиво выбирая вещи из нового гардероба, купленного на деньги Ишиль, прицепил Друга Воронов и надел шляпу с пером, а затем отправился гулять.

Луговины затопил пестрый янтарный свет. Повсюду были люди, которые прогуливались и наслаждались последним осенним теплом. На некоторое время Рингил удовлетворился тем, что просто слонялся среди них, не обращая внимания на взгляды, которые притягивал меч на спине, и позволяя последним остаткам крина покинуть тело в сиянии заходящего солнца. Высоко в восточном небе изгиб Ленты едва вырисовывался на синем фоне. Рингил поймал себя на том, что бездумно таращится на него, и тут из ниоткуда возникла идея.

«Шалак!»

Он спустился к заросшей мхом Луговинской набережной, где для желающих насладиться видом стояли столы и стулья, в ларьках продавали лимонад и пирожные по раздутым ценам, а небольшие лодки исправно подбирали и высаживали компании дорого одетых отдыхающих из районов выше по течению реки. В конце концов Рингил разыскал лодочника, который с неохотой согласился отвезти его вниз по течению, в Экелим, и легко запрыгнул на борт, пока тот не передумал. Он стоял на корме, глядя как берег удаляется и любясь на Луговины, чувствуя на лице закатный свет, словно проникший сквозь витраж, и лишь смутно осознавая, что красуется. Он сел, поерзал на влажной доске, уделяя должное внимание новой одежде и Другу Воронов, пока не устроился более-менее удобно, и несколько раз моргнул – от взгляда на солнце перед глазами еще маячили пятна.

– Таких деньков в этом году маловато осталось, – заметил лодочник, работая веслами. – Говорят, нас ждет олдрейнская зима.

– Кто говорит? – рассеянно спросил Рингил. Олдрейнскую зиму предсказывали постоянно. Теперь, наверное, среди чтецов по внутренностям на рынке Стров это популярный способ предвещать злой рок, раз с войной покончено.

Лодочник охотно начал объяснять:

– Все так думают, мой господин. Рыбаки из гавани твердят, что в этом году серебряшку ловить трудно как никогда. От Хиронских островов идут холодные течения. И были знамения. Град размером с кулак. На болотистых равнинах к югу от Клиста на рассвете и закате видели странные огни, а ночью слышали лай черного пса. Брат моей жены – передовой дозорный на одном из китобойных судов Маджака Урдина, и он говорит, что им в этом году пришлось зайти дальше на север, чтобы выследить китовые фонтаны. В конце прошлого месяца они побывали за Хиронскими островами и видели, как огненные камни падали с Ленты прямо в воду. Той ночью был шторм, и...

И так далее.

Рингил сошел на берег в Экелиме. В его голове все еще звучал рассказ лодочника, словно эхо. От бухты он направился по Тележной улице, запоздало надеясь, что Шалаку за последние

десять лет не взбрело в голову переехать. Пробираться через беспорядочную толпу, которая собралась ранним вечером, было непросто, но покрой и ткань новой одежды помогали ему прокладывать путь. Люди не хотели навлечь на себя неприятности, даже в этой части побережья. По углам улиц парами стояли городские стражники, наблюдая за толчеей и нервно поигрывая длинными деревянными «дневными» дубинками; если бы возник спор, они усмотрели бы в наряде Рингила то же, что остальные. Он, как богач, был бы оправдан за недостаточностью улик, а его противника утащили бы в переулок, чтобы преподать короткий урок хороших манер, воспользовавшись дубинками.

Дойдя до угла Тележной и Ворванной, Рингил сдержанно усмехнулся. Не стоило тревожиться о том, что здесь теперь что-то иначе. Спустя десять лет жилище Шалака изменилось не больше, чем взгляды священника. Каменный фасад был таким же потертым, темные будто кофе окна так же тускло освещались изнутри, и тот же насуспенный карниз опускался так низко над входной дверью, что посетитель, который в детстве хорошо питался и вырос высоким, был обречен удариться о него лбом. Тот же загадочный знак болтался снаружи на ржавом железном держателе:

«Войди и узри».

Давным-давно, еще до войны, на этой табличке были написаны другие слова: «Войди и оглядись – быть может, что-то выберет тебя», – заключенные в круг таинственных и, как всегда подозревал Рингил, фальшивых олдрейнских символов. А потом начались пятидесятые, война и драконье пламя, пришельцы-завоеватели из морских глубин. Безобидная приманка для любителей, увлеченных Исчезающим народом, за чей счет Шалак зарабатывал себе на жизнь, превратилась в заявление о колдовских намерениях, граничащее с государственной изменой. Люди говорили, что олдрейны исчезли, уйдя на запад, а с запада теперь пришли Чешуйчатые. Шалаку пару раз били стекла сердитые толпы, на улице его забрасывали камнями чаще, чем он мог сосчитать, а Комитет по защите общественной морали снова и снова требовал от него объяснений. Он усвоил урок. Вывеску сняли, символы стерли со всех поверхностей внутри лавки, и любые намеки на магическую сущность предметов, которые Шалак продавал, сменили листовки с объяснением, что о мудрости олдрейнов ничего не известно наверняка, никто в нынешнем поколении не видел живого двенду, рассказы о них, скорее всего, – детские волшебные сказки, и только. Рингил всегда подозревал, что Шалака глубоко ранила необходимость писать все эти тексты – какими бы ни были увлечения клиентов, сам торговец искренне верил в Исчезающих и их магию. Но когда он с юношеским нахальством затронул эту тему, Шалак в ответ болезненно улыбнулся и выдал несколько банальностей, положенных хорошему гражданину.

«Мы все должны чем-то жертвовать, Рингил. Это война. Если это будут все мои страдания, я не стану жаловаться».

«Ох, да ладно тебе! – Рингил сорвал записку с первой попавшейся резной штуковины и взмахнул ею. – Что это за дерьмо? “Никто в нынешнем поколении не видел двенду”? Хрень какая, Шал. Никто в нынешнем поколении не видел Хойрана во плоти, но я что-то не заметил, чтобы из-за этого закрывались храмы. Банда гребаных лицемеров!».

«Люди боятся, Рингил. – Под левым глазом Шалака красовался свежий синяк. – Их можно понять».

«Они овцы, – ярился Рингил. – Тупые гребаные овцы».

С этим Шалак не стал спорить.

Он и сам за прошедшие годы почти не изменился. В короткой бороде виднелись седые, а не серебристые волосы, шевелюра над морщинистым лбом несообразно поредела, но в остальном то же, немного скорбное лицо клерка оторвалось от переплетенной в кожу книги, когда Рингил открыл дверь в маленький магазин и нырнул внутрь.

– Чем могу служить, благородный господин?

– Для начала можешь избавиться от высокопарных обращений. – Рингил снял шляпу. – А после попытайся меня узнать.

Шалак моргнул. Снял очки для чтения и уставился на гостя. Рингил поклонился, шаркнув ногой.

– Алиш? Нет, погоди... Рингил?! Рингил Эскиат? Это действительно ты? – Шалак спрыгнул со стула, бросился к Рингилу и схватил его за руки. – Клянусь зубами Хойрана! Что ты здесь делаешь?

– Пришел тебя навестить, Шал.

Шалак закатил глаза и отпустил Рингила.

– О, умоляю. Ты же знаешь, что моя Риша выцарапает тебе глаза, если увидит, как ты со мной заигрываешь. – Но было видно, что он польщен. – Нет, в самом деле – зачем ты вернулся?

– Это длинная и не очень интересная история. – Рингил уселся на край стола, заваленного камнями причудливой формы, полудрагоценными самоцветами и металлическими штуковинами непонятного назначения. – Однако мне не помешал бы совет.

– От меня?

– Трудно поверить, да? – Рингил выбрал из кучи спутанный моток железной проволоки, в центре которого виднелся некий символ. – Где ты это взял?

– Нашел. Какой тебе нужен совет?

Рингил с театральным видом огляделся по сторонам.

– Угадай с первого раза.

– Тебе нужен совет... про олдрейнов?! – Шалак соорудил гримасу, потом тихонько расмеялся. – Что с тобой приключилось, Гил? На тебя свалилось ненужное богатство? Я думал, такому, как ты, больше по нраву кириатские штучки.

– Мне другие кириатские штучки не нужны. – Рингил двумя полусогнутыми пальцами ткнул в наверхие, выглядывающее из-за плеча. – Так или иначе, я не собираюсь ничего покупать. Мне просто нужно узнать твое мнение по парочке вопросов.

– И?

– Если нужно убить двенду, как это лучше сделать?

Шалак от изумления разинул рот.

– Чего?!

– Да ладно. Ты меня слышал.

– Хочешь узнать, как убить двенду?

– Ага. – Рингил раздраженно заерзал и потянул за нитку, торчащую из новой, да, новенькой куртки. И где только Ишиль нашла такого криворукого портного... – Ага, так и есть.

– Да не знаю я. Сперва надо, знаешь ли, разыскать двенду, которого собираешься убить. Никто в...

– ...нынешнем поколении не видел Исчезающих. Да-да. Я помню. Но давай предположим, что я и впрямь его разыскал. Вообразим, что он мне мешает. Как мне его убрать, Шал? – Рингил дернул головой, указывая на наверхие Друга Воронов. – Это подойдет?

Шалак поджал губы.

– Сомневаюсь. Придется действовать с невероятной быстротой.

– Ну, вообще-то мне случалось ее проявлять...

Он не стал уточнять, что эти «случаи» относились к делам давно минувших дней. Были еще всякие байки и военные легенды, но кто еще – кроме него в постоялом дворе Джеша, с растущей усталостью – их теперь рассказывал?

Шалак повернулся, окидывая взглядом забитую товаром лавку. Потер лоб, увернулся от свисающей с потолка коллекции деревянных ветряных колокольчиков, скорчил рожу.

– Дело в том, Гил, что мы мало знаем о двендах. Я хочу сказать, все эти вещи в моем магазине – большей частью барахло...

– Seriously?

Торговец бросил на него угрюмый взгляд.

– Ладно, ладно. Я зарабатываю на жизнь, пользуясь намеками и полуправдами относительно того, во что люди отчаянно хотят верить. Не надо мне об этом напоминать. Но в центре всего этого есть вещи, в которых даже кириаты не сумели разобраться. Они, знаешь ли, когда-то сражались с двендами за обладание этим миром. Но если прочесть их анналы, выяснится, что они толком не понимали, с кем воюют. Там встречаются упоминания о призраках, оборотнях, одержимости, камнях, лесах и реках, которые оживали, повинувшись олдрейнскому приказу...

– Ох, прекрати, Шал. – Рингил покачал головой. – Ты же не настолько наивен. Мне нужно обоснованное мнение, а не болтовня, которую я мог бы услышать от любого придурка на рынке Стров.

– Ты его и услышал, Гил. Мое обоснованное мнение. Кроме устных преданий и нескольких рунических каракулей на каменных столбах вдоль западного побережья, у нас нет ничего, повествующего о том, какими олдрейны были на самом деле, кроме хроники Индират М'нал. Это единственный достойный доверия источник. Все прочее, написанное кириатами на данную тему, опирается на него. А в Индират М'нале говорится, помимо прочего, что двенды могли управлять водой, камнем и деревом, оживляя их.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.